

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Кафедра уголовного права и криминологии

А.Г.Безверхов, А.В.Жуков

ТЕОРИИ НАКАЗАНИЯ
(в истории философской мысли)

Учебное пособие

Издательство «Самарский университет»
2001

УДК 343.24
ББК 67.3
Б 39

Безверхов А.Г., Жуков А.В. Теории наказания (в истории философской мысли): Учеб. пособие. Самара: Изд-во Самарский университет», 2001. 48 с.

В учебном пособии рассматриваются малоисследованные в современной науке уголовного права вопросы классификации теорий наказания. Дается общая характеристика основных теорий наказания, разработанных крупнейшими представителями философской мысли. Обсуждаются проблемы отражения понятия наказания в уголовном законе. Пособие имеет целью восполнить пробелы в теоретическом изложении вопросов о сущности, понятии и целях уголовного наказания с учетом его политико-правовых концептуальных основ.

Пособие предназначено для студентов юридического факультета, изучающих спецкурс «Назначение наказания», аспирантов, преподавателей юридических вузов и всех лиц, интересующихся теорией и практикой применения уголовного наказания.

УДК 343.24
ББК 67.3

Рецензенты: Заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Академии наук высшей школы России, д-р юрид. наук, профессор **В.П. Малков**;

Первый заместитель председателя Приволжского окружного военного суда, Заслуженный юрист Российской Федерации, полковник юстиции **В.С. Дворников**

© Безверхов А.Г., Жуков А.В., 2001
© Изд-во «Самарский университет», 2001

ВВЕДЕНИЕ

Понимание настоящего и поиск лучшего будущего, как это не покажется парадоксальным, теснейшим образом связаны с прошлым. Известно, что прошлое толкует нас. Оно же является самым твердым основанием для предвидения грядущих действий и событий. В этом отношении непреходящее значение имеет исторический метод познания. Исторический подход открывает забытые понятия, идеи и учения, находит необходимые средства для сравнения собственных размышлений со взглядами других времен и народов, а также определяет перспективы развития современного познания, пути его дальнейшего совершенствования.

Исторический метод – важная составляющая методологии правовых наук. Изучающему право необходимо знать развитие самого права. Правильное понимание современных правовых понятий связано с историей их происхождения. Изучение истории права есть способ познания действующих юридических норм и институтов. Как справедливо заметил Н.С. Таганцев, если мы желаем изучить какой-нибудь юридический институт, существующий в данное время, то для правильного его уяснения себе мы должны проследить историческую судьбу его, т.е. те поводы, в силу которых появилось данное учреждение, и те видоизменения, которым подверглось оно в своем историческом развитии¹.

Также важным представляется изучение развития взглядов, идей и учений о сущности и функциях правовых конструкций и образований. Не является исключением в этом отношении и один из основных институтов уголовного права – наказание, который настоятельно требует своего дальнейшего правового осмысления, а вместе с тем поиска в учениях и теориях прошлого своей изначальной природы и основополагающего значения.

Наказание, понимаемое в самом широком смысле как принуждение вообще, появилось и развивалось одновременно с человеком. Давно установлено, что история не знает человека без обычаев или законов, касающихся преступлений и наказаний. Общество без наказания никогда не существовало. И прежде, чем в человеке блеснула первая искра уразумения, почему и для чего существует наказание, оно давно уже существовало и действовало².

Само наказание всегда вызывало неподдельный интерес у философов, юристов, психологов, социологов и ученых других специально-

¹ См.: Таганцев Н.С. Курс уголовного права. Вып. 1. СПб., 1874. С. 21.

² См.: Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Киев, 1891. С. 207.

стей. Такое внимание вполне естественно, так как, с одной стороны, решение вопроса о наказании затрагивает важнейшие жизненные блага граждан и важнейшие интересы общегития¹. С другой стороны, подобное отношение не оставляет сомнений в том, что наказание представляет собой явление социальное и не может быть всесторонне исследовано одной лишь юриспруденцией. Представляется также очевидным, что «прежде, чем рассуждать о том, когда, как и какие наказания должны быть применяемы, необходимо решить более общий вопрос: должно ли наказание вообще иметь место, допустимо ли оно?»². На каком основании общество распоряжается драгоценнейшими земными благами человека: его жизнью, здоровьем, свободой, честью и достоинством?³

Очевидно, что наука уголовного права, традиционно понимаемая как дисциплина, изучающая преступление и наказание в качестве юридических понятий, не может решить этот вопрос самостоятельно. Взгляд на предмет науки уголовного права почти не изменился. Современные исследования относят к области уголовного права лишь идеи и представления об уголовном законе, его социальной обусловленности, эффективности и тенденциях развития, принципах, а также истории отечественного и зарубежного уголовного законодательства⁴. Между тем, наука как таковая не может существовать без философии. «Наука (критически исследующая и методически поставленная) – это узкие ворота, которые ведут к *учению мудрости*, если под этим понимают не только то, что делают, но и то, что должно служить путеводной нитью для *учителей*, чтобы верно и четко проложить дорогу к мудрости, по которой каждый должен идти и предохранять других от ложных путей; хранительницей науки всегда должна оставаться философия. В утонченных изысканиях ее публика не принимает никакого участия, но должна проявлять интерес к ее *учениям*, которые могут ей стать совершенно понятными только после подобной разработки»⁵.

Как заметил В.Д. Спасович, по совершенной невозможности миновать вопросы о существовании уголовной власти государства, мы должны обратиться к философии и заимствовать у нее такую точку зрения, с которой бы могли обозреть разом всю совокупность предметов, входящих в область уголовного права и уяснить себе их взаимную связь и зависимость⁶. Еще более определенно по этому поводу высказался Шютце, указав, что «вопрос о правовом основании уголовной кары

¹ См.: Чубинский М.Н. Курс уголовной политики. Ярославль, 1909. С. 15.

² Познышев С.В. Основные вопросы учения о наказании. М., 1904. С. 1.

³ См.: Будзинский С. Начала уголовного права. Варшава, 1870. С. 20.

⁴ См.: Словарь по уголовному праву/ Отв. ред. А.В. Наумов. М., 1997. С. 250.

⁵ Кант И. Критика практического разума. Сочинения. В 8-ми т. Т.4. М., 1994. С. 565.

⁶ См.: Спасович В.Д. Учебник уголовного права. Т. I. СПб., 1863. С. 11.

подлежит ведению философии права»¹. Последняя же является только одной из составных частей философской системы.

Повсеместность применения наказания также не избавляет от необходимости решения общих вопросов, объединенных в теории под общим названием, именуемым правом наказания. Изучение основ классификации теорий наказания, а также исследование некоторых наиболее крупных философских учений, посвященных этой проблеме, – задача этой скромной работы. Многочисленность существующих теорий наказания подвигла авторов настоящего сочинения к минимизации количества выводов и к отказу от поиска «лучшей теории». В этой связи еще в XIX веке Лайстнер указывал: «При настоящем положении вопроса, является, может быть, даже заслугой изложить все существующие теории и не распространиться в заключении в новой гипотезе»².

¹ Цит. по: Познышев С.В. Указ. соч. С. V.

² Цит. по: Сергиевский Н.Д. Русское уголовное право. СПб., 1908. С. 75.

1. КЛАССИФИКАЦИЯ ТЕОРИЙ НАКАЗАНИЯ

Каждый из исследователей множества теорий вынужден прибегать к классификации. Масштаб рассматриваемой нами «группы явлений» впечатляет. А.Ф. Кистяковский указывал, что ученых всегда захватывала «страсть изобретения теорий наказания»¹. «Начиная с Гуго Гроция, - писал Н.Д. Сергиевский, - насчитывается до двадцати четырех полных философских систем и около ста отдельных теорий разных криминалистов, примыкавших в общем к одному или другому направлению»². Ни один другой вопрос уголовного права не имеет большего числа философских теорий.

В научном смысле классификация (лат. *clasis* – группа, разряд, класс и *facere* – делать) наряду с систематизацией есть логическая форма типологии как метода научного познания. В этой связи классификация представляет собой особый научный прием, заключающийся в осуществлении деления (членения) объема понятия каких-то объектов или явлений по группам (классам) на основании какого-либо общего признака или признаков в результате чего образуется развернутая система, в которой каждый классификационный член (вид) делится, в свою очередь, на подвиды и т.д. Наиболее развернутое определение классификации дано в формальной логике. «Классификация - распределение предметов какого-либо рода на взаимосвязанные классы согласно наиболее существенным признакам, присущим предметам данного рода и отличающим их от предметов других родов, при этом каждый класс занимает в получившейся системе определенное постоянное место и, в свою очередь, делится на подклассы»³. Результат классификации выглядит в виде развернутой системы соподчиненных понятий: делимое понятие является родом, новые понятия - видами, видами видов (подвидами) и т.д.⁴

Классификация имеет важное теоретическое значение. Она вносит в познавательный процесс начало порядка, поскольку упорядоченность лежит в основании всякого мышления. В этом смысле «классификация, какой бы она ни была, ценна сама по себе – это лучше, чем отсутствие всякой классификации... Любое классифицирование имеет превосходство над хаосом; и даже классификация на уровне чувственных качеств - этап в направлении к рациональному порядку»⁵. Тем самым классификация существенно облегчает процесс исследования явлений и процессов окружающего нас мира.

¹ Кистяковский А.Ф. Указ. Соч. С. 63.

² Сергиевский Н.Д. Указ соч. С. 65.

³ Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. 2-е изд., испр. и доп. М., 1975. С. 247.

⁴ См.: Краткий словарь по логике / Под ред. Д.П. Горского. М., 1991. С. 77.

⁵ Леви-Строс К. Первобытное мышление. М., 1994. С. 120, 125.

Высказано мнение, что классификацию следует отличать от типологии: первая дает описание изучаемого объекта, а вторая (наряду с другими методами) – его объяснение, т.е. с помощью типологии можно вскрыть его природу, причины, закономерности возникновения и развития, составить прогноз¹. С этим утверждением можно согласиться лишь отчасти. С внешней стороны, действительно, в классификации можно видеть один из способов описания изучаемого объекта, представляющего собой некоторую совокупность, или формализованную систему понятий, полученную путем деления объема некоторого исходного (родового) понятия, или, наконец, условное разделение совокупности каких-то объектов по группам в соответствии с каким-либо общим признаком или признаками. Однако классификацию необходимо рассматривать и как одно из эффективных средств познания явлений и процессов окружающей нас действительности. Из истории науки известно, что верно построенная классификация отображает закономерности развития классифицируемого объекта, позволяет вскрыть связи между составляющими его классами, наконец, служит основой для обобщающих выводов и составления прогнозов².

Как видно, классификация, отражая различные связи между понятиями, способствует не только упорядочению, но и получению нового, ранее неизвестного знания. В подтверждение сказанному приведем слова известного дореволюционного правоведа Зверева о том, что классификация – это первый и чрезвычайно важный шаг, который должен сделать исследователь всякой обширной и разнообразной группы явлений; как прием изучения, классификация имеет двоякое значение для научного исследования: со стороны внешней, это – прием, который вносит в изучение систему и порядок; со стороны внутренней, это – прием, который предопределяет полноту и правильность выводов изучения³.

Классификация как целенаправленная деятельность подчиняется определенным правилам деления объема понятия. Основными из них являются следующие: 1) в одной и той же классификации необходимо применять одно и то же основание, т.е. деление на каждом его этапе должно производиться по одному основанию; 2) объем членов классификации должен равняться объему классифицируемого объекта (рода), т.е. деление должно быть соразмерным; 3) члены классификации должны взаимно исключать друг друга; 4) деление на классы должно быть непрерывным⁴.

¹ См.: Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М., 1995. С. 88.

² См.: Кондаков Н.И. Указ. соч. С. 247.

³ Цит. по: Познышев С.В. Указ соч. С. 5.

⁴ См., напр.: Кондаков Н.И. Указ. соч. С. 248.

При этом считается, что наиболее важным является выбор основания классификации. Разные основания дают различные классификации одного и того же понятия.

В логике различают классификацию, образованную по видообразующему признаку, и дихотомическую¹. Классификация по видообразующему признаку заключается в делении объема родового понятия на видовые понятия на основании тех признаков, которые присущи одним видам и не встречаются в других видах. Дихотомия (от греч. *dicha* и *tome* – сечение на две части) подразумевает такой вид деления объема понятия, в соответствии с которым объем делится на два противоречащих друг другу видовых понятия, полностью исчерпывающих объем родового понятия.

В качестве оснований деления в классификации могут быть положены признаки, как несущественные для изучаемых объектов, так и существенные, определяемые природой данных объектов². В первом случае речь идет об искусственных классификациях, которые выглядят в виде приема условного деления, удобного для той или иной цели деятельности, т.е. имеющего значение с практической точки зрения (например, с точки зрения упорядочения какого-либо объема материала). Во втором случае речь идет об естественных классификациях, способствующих установлению внутренних и внешних закономерностей, свойственных изучаемому объекту. Естественные классификации являются наиболее ценными. Они основаны на познании законов связи между видами, перехода от одного вида к другому в процессе развития, т.е. предполагают связь более глубокую, чем простое сходство и различие.

По мнению некоторых исследователей, критерий классификации должен быть единым, т.е. основываться на одном признаке³. Такое суждение является ошибочным. Единство основания классификации не следует смешивать с единым критерием (одним основанием) при последовательном, поэтапном делении. Как правило, на основе одного признака строятся искусственные классификации. Строение естественных классификаций обычно основано на едином сложном основании, включающем в себя комплекс существенных признаков. Вот, что по этому поводу заметил еще Ч. Дарвин: «Нет никакого сомнения, что органические существа, подобно всем другим предметам, могут быть классифицированы различно - либо искусственно, на основании единичных признаков, либо более естественно, на основании большого числа призна-

¹ См., напр.: Гетманова А.Д. Учебник по логике. 2-е изд. М., 1994. С. 50.

² Говоря словами Гегеля, в основу естественной классификации должна быть положена «природа подлежащего делению предмета, чтобы деление производилось, следовательно, естественно, а не искусственно, т.е. не произвольно» (см.: Гегель. Соч. Т. 1. С. 334).

³ См.: Кривоченко Л.Н. Классификация преступлений. Харьков, 1983. С. 22.

ков. ... Классификация, основанная на одном признаке, как бы важен он ни был, всегда была неудачна, потому что нет такой черты организации, которая всегда оставалась бы постоянной. Значение комплекса признаков, даже в том случае, когда между ними нет ни одного существенного, уже само по себе объясняет нам высказанный Линнеем афоризм: «что не признаки определяют род, а род определяет признаки»¹.

Как известно, различие и сходство - два взаимосвязанных свойства предметов, явлений объективного мира. Первое означает то, чем один предмет отличается от другого; второе - то, что у предметов совпадает, является общим, объединяет их в группу, класс. Именно сходство и различие, существующие в действительности между теми или иными видами одного и того же объекта, обуславливают возможность их подразделения по группам (классам), соподчиненным другим группам (классам), т.е. определяют классификацию. Этот факт вследствие своей обыкновенности мало обращает на себя внимание. Между тем, исходя из него становится ясным, что классификации с правильно выбранным основанием позволяют выявить сходство между соответствующими членами классификации, а также указывают на их отличие от других классификационных составляющих. Установление сходства и различия между предметами означает в свою очередь не что иное, как обнаружение между ними определенных связей, т.е. зависимостей и отношений, в которых они находятся друг к другу. Если обнаруженная связь носит необходимый, повторяющийся, устойчивый характер, это говорит о том, что с помощью классификации удалось установить определенную закономерность.

Поскольку окружающий нас мир развивается, а вместе с ним совершенствуются наши знания о нем, постольку классификации с течением времени уточняются и изменяются, т.е. не остаются постоянными.

Имея своей целью наиболее глубокое изучение имеющихся теорий наказания, классификация таковых должна опираться на основные, наиболее крупные их различия, распределяя изучаемый массив явлений в группы по таким признакам, которые давали бы возможность критическому анализу проникнуть глубоко до корней рассматриваемых доктрин.

Основание естественной классификации теорий наказания является сложным, состоящим из комплекса признаков. Очевидно, что в этом случае сама классификация теорий наказания имеет несколько уровней, линий дифференциации, т. е. осуществляется в несколько этапов, с заданной последовательностью. В основу первого деления положена сама допустимость или недопустимость применения уголовного наказания; в основу второй линии дифференциации - цели уголовного на-

¹ Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора Л., 1991. С. 359, 362.

казания (точнее, обоснованность и обусловленность наказания какими-либо внутренними или внешними факторами и связанная с этим его целесообразность). Таким образом, вначале все теории наказания делятся на две большие группы: отрицающие и признающие наказание¹. Вторая линия деления проводится только по отношению к теориям, признающим наказание. Последние подразделяются на три группы: абсолютные, относительные и смешанные². В основе второго деления лежит естественное подчинение права общему ходу и развитию философии. В результате, одни теории опираются на априорический элемент в нашем сознании, из коренных онтологических свойств нашего ума и нашей воли выводят наказание и полагают, что наказание само по себе необходимо по законам разума, само по себе служит целью. Эти теории называются теориями справедливости (возмездия) или абсолютными теориями наказания. Другие учения оправдывают наказание только тем, что оно служит средством для достижения какой-либо иной цели, следовательно, опираются на опытный элемент сознания. По этим теориям наказание справедливо и правильно потому, что охраняет государство и закон, и необходимо для сохранения указанных политических институтов. Эти теории получили название теорий пользы или относительных теорий. Третья группа старается соединить взгляды абсолютных и относительных теорий и получила название смешанных или эклектических теорий.

Абсолютные, относительные и смешанные теории наказания, в свою очередь, также подразделяются на группы, что позволяет говорить о третьей линии дифференциации теорий наказания. Например, среди абсолютных теорий выделяются теологические, метафизические, эмпирические.

Как представляется, приведенная классификация отличается достаточной целостностью и законченностью. Однако и ее (как впрочем и любую другую) вряд ли можно признать идеальной. Трудно сводить сложные отвлеченные системы в родовые группы по одному какому-либо признаку, который очень часто не имели в виду и сами авторы учений о наказании. Всякая группировка включает в себе лишь относительную правильность (с точки зрения исследователя), и во всякой могут быть найдены противоречия.

¹ См.: напр., Сергиевский Н.Д. Русское уголовное право. С. 71; Познышев С.В. Основные вопросы учения о наказании. С. 24; Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2-х т. Т. 2. М., 1994. С. 19.

² См.: напр., Будзинский С. Начала уголовного права. С. 22; Белогриц-Котляревский Л.С. Очерки курса русского уголовного права. Киев, 1896. С. 7; Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. С. 134; Спасович В.Д. Учебник уголовного права. Т. 1. С. 15; Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремномедием. М., 2000. С. 53; Уголовное право. Общая часть / Под ред. Н.И. Ветрова, И.Ю. Ляпунова. М., 1997. С. 410.

2. ТЕОРИИ, ОТРИЦАЮЩИЕ НАКАЗАНИЕ

Большинство теорий, которые обычно принято называть отрицающими наказание, в сущности наказания не отвергают. Своему названию они обязаны тем, что «иначе объясняя происхождение преступления, отвергают не наказание вообще, а основание и жестокость наказания старых школ, убежденных, что без признания нравственного вменения, государство не вправе применять против преступников мер безопасности»¹.

К данной группе, следовательно, должны быть отнесены только те доктрины, которые утверждают, что наказание не должно иметь места в общественной жизни. Число таких теорий немногочисленно. Основное место среди этих немногих попыток принадлежит тому воззрению, которое исходит из нравственного учения Христа и утверждает, что христианин должен отвергнуть наказание в силу его противоречия Евангельским Заповедям. К представителям такого взгляда относится Л. Н. Толстой.

Отрицательное отношение к наказанию основывается у Л.Н. Толстого на глубоком знании жизни. Власть, суды, пенитенциарная система – сплошное насилие. «Власть может не быть насилие, - говорит великий писатель в «Дневнике христианина», - когда она признается как нравственно и разумно высшее. Власть как насилие возникает только тогда, когда мы признаем высшим то, что не есть высшее по требованиям нашего сердца и разума. Как только человек подчинился тому – будь то отец, или царь, или законодательное собрание, - что он не уважает вполне, так явилось насилие»². При таких обстоятельствах суд превращается в «заведение для порчи народа», а существующая пенитенциарная система уничтожает в людях остатки человеческого. «Я был в... остроге и знаю его. Знаю запах этого острога, знаю пухлые бледные лица, вшивые оборванные рубахи, параша в палатах, знаю, что такое для рабочих людей праздность взаперти день, два, три, каждый день с 24 часами, четыре, 5-сотни дней, которые проживают там несчастные, только и думая о том и слушая о том, как отомстить тем, которые им отомстили»³.

Теоретическая основа отрицания наказания выводится у Л.Н. Толстого из евангельских заповедей: «не противься злему» (Мф. 5: 39), «не судите да не судимы будете» (Мф.7:1)⁴. Указанные места понимаются им иначе, чем церковью, и в качестве одного из крае-

¹ Кистяковский А.Ф. Указ соч. С. 207.

² Толстой Л.Н. Собрание сочинений. В 22-х т. Т. 21. М., 1985. С. 305.

³ Там же. С. 308.

⁴ Здесь и далее ссылки на Библию даны по синодальному переводу в традиционной форме: сначала дается общепринятое сокращенное название книги, затем номер главы и после двосточия – номер стиха.

угольных камней своей этики выставляется широкий принцип непротivления злу насилieм. Л.Н. Толстой указывает, что слово «непротivление» должно пониматься в точном смысле наставления Спасителя, т.е. не платить злом за зло. Злу должно протivиться всякими праведными средствами, но никак не злом¹. «Истинное непротivление есть единственное настоящее сопротivление злу... Непротivление сохраняет; протivление разрушает»². Зло, по мнению Л.Н. Толстого, рождает только зло. Как огонь не может потушить огня, так зло не может подавить зла. При насилieи вообще нельзя понять, какое зло будет больше – зло ли моего насилieя, или того, от которого я хочу защищать. Мы казним преступника, избавляя от него общество, и никак не можем знать, не изменился ли бы завтра бывший преступник, и не есть ли наша казнь бесполезная жестокость. Кроме того, не существует общего критерия для различия злодеев и не злодеев. Сам факт признания того, что на свете есть злодеи, как какие-то особые люди, уничтожает весь смысл Христианского учения, по которому все равны, как сыны одного отца небесного. Да и каким образом разрешить столкновения людей, когда одни люди считают злом то, что другие считают добром, и наоборот? На этот вопрос, полагал Л.Н. Толстой, может быть два ответа: или тот, чтобы найти верный, неоспоримый критерий того, что есть зло, или тот, чтобы не протivиться злу насилieм... Первый выход был опробован с начала исторических времен и, как мы все знаем, не привел к успешным результатам. Второй ответ – не протivься насилieм тому, что мы считаем злом, до тех пор, пока не нашли общего критерия, – этот ответ предложен Христом. Именно последнее положение связывает всё учение Христа в целое, но только тогда, «когда оно не есть изречение, а есть правило, обязательное для исполнения, когда оно есть закон»³.

Поскольку под насилieм традиционно понимается «принудительное воздействие на кого-нибудь»⁴, то, очевидно, повсеместное распространение принципа Л.Н. Толстого сделало бы невозможными ни воспитание, ни организацию человеческого общежития, в тех или иных формах его использующее. Кроме того, само утверждение о невозможности предотвращения дурных поступков путем принуждения или угрозой принуждения опровергается тем фактом, что многих от совершения преступления удерживает представление о наказании (или зле), которое может за этим последовать. Это подтвердилось многочисленными исследованиями у нас в стране и за рубежом. Еще в двадцатые годы XX века известный русский юрист, профессор

¹ См.: Толстой Л.Н. Царство Божие внутри вас. М., 1906. С. 14.

² Там же. С. 12.

³ Толстой Л.Н. В чем моя вера? М., 1906. С. 15.

⁴ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999. С.392.

М.М. Исаев, проведя опрос, сделал вывод, что не менее 20 % населения удерживаются от совершения преступления перед страхом наказания. Указанная величина подтвердилась при проведении аналогичных исследований в настоящее время¹. В.А. Никонов, применив метод корреляционного анализа, вынужден был заключить, что «общепредупредительное влияние наказания на преступность – не фикция»².

Русский философ И.А. Ильин справедливо отмечал, что «непротивление в смысле отсутствия всякого сопротивления... означало бы принятие зла... Тот, кто совсем не сопротивляется злу, тот поддерживается и от порицания его»³.

Не меньшей критике подвергался исследователями и другой аргумент Л.Н. Толстого. Вопреки мнению последнего, зло иногда порождает добро, а добро – зло. «Почем знать, - писал Вл. Соловьев, - какие прекрасные последствия всеблагое Провидение может извлечь из чего-либо блуда, пьянства, злобы на ближних». «Кто-то силою спас жизнь человека, обезоружив разбойника, на него нападавшего; но потом спасенный сделался страшным злодеем, худшим, чем разбойник, значит лучше бы было его не спасать... Но ведь точно такое же разочарование могло бы последовать, если этому человеку угрожал не разбойник, а бешеный волк. Что же? Не нужно никого защищать и от диких зверей? Более того, если я спасаю кого-нибудь на пожаре, или при наводнении, то также ведь может легко случиться, что спасенные будут потом крайне несчастны, или окажутся ужасными негодяями, так что для них было бы тогда лучше сгореть или утонуть, - значит не нужно никому помогать вообще ни в какой беде?»⁴.

Не менее затруднительно найти в Библии твердые основания для отрицательного отношения к институту наказания. Ветхий Завет однозначно формулирует не только возможность уголовной кары, но и необходимость ее: «А если будет вред, то отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб». Книги Нового Завета, как может показаться на первый взгляд, отвергают принцип наказания. Именно к такому выводу пришел Н. Иванов⁵, приведя слова Иисуса из Нагорной проповеди: «Вы слышали, что сказано: «око за око и зуб за зуб. А я говорю Вам: не противься злу. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую». Представляется, что в действительности речь тут идет о пробуждении совести ударившего. Причем следует иметь в виду нравственную, а не уголовно-правовую направленность

¹ См., напр.: Кудрявцев В.Н. Популярная криминология. М., 1998. С. 137-138.

² Никонов В.А. Уголовное наказание. Поиск истины. Тюмень, 2000. С.62.

³ Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 9.

⁴ Соловьев В.С. Оправдание добра. М., 1996. С. 290.

⁵ Иванов Н. Библия и уголовный закон // Сов. юстиция. 1992. №7-8.

учения Христа, которое наказания и талиона все-таки не отрицает: «Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки». Приведенная формулировка получила в философских трудах наименование «золотого правила нравственности» или «общего принципа справедливости», имеющих в своей основе, по сути дела, тот же талион. Для подтверждения того, что церковь допускает уголовное наказание как таковое, приведем слова из учебника Закона Божьева: «Смертная казнь преступника относится к общественному виду зла..., но допустима в исключительных случаях, когда является единственным, по справедливости, средством остановить многочисленные убийства и преступления»¹.

Отметим также, что Евангелие вообще указывает людям общие черты нравственного совершенства. Оно ставит людям недостижимый нравственный идеал, к посильному осуществлению которого человечество должно все более приближаться по мере своего постепенного развития. Было бы совершенно неправильно из этого образа нравственного совершенства отрицать необходимость государства, судов, наказания. Всей той высоты умственного и нравственного развития, которой только способны достигнуть люди, они достигнут, несомненно, в хорошо организованном обществе.

Добавим, что авторам не удалось обнаружить современных последователей точки зрения, отрицающей возможность применения наказания. Широко представленное сегодня гуманистическое направление содержит лишь элементы указанной теории. «Здравый смысл подсказывает, - пишет, к примеру, Г.Ф. Хохряков, - что задача по исправлению и перевоспитанию в условиях изоляции от общества недостижима»². С ним соглашаются многие криминологи, все настойчивее говоря при этом «о кризисе наказания» как такового, о необходимости поиска альтернатив этому институту³. В качестве такой альтернативы предлагается «восстановительное» правосудие, ставящее во главу угла не наказание, а примирение с жертвой. Последователи указанной меры отмечают, что восстановительное правосудие – это другой взгляд, другая философия ответа общества на преступление, «другая парадигма». Однако, приведенные воззрения не отрицают наказания вообще. Они признают только несовершенство многих его современных форм.

¹ Закон Божий/ Сост. Протоиерей Серафим Слободской. М., 1991. С. 581.

² Хохряков Г.Ф. Парадоксы тюрьмы. М., 1991. С. 5.

³ См.: Карнозова Л., Максудов М., Флямер М. Восстановительное правосудие: идеи и перспективы для России // Росс. юстиция. 2000. № 11. С. 42.

3. АБСОЛЮТНЫЕ ТЕОРИИ НАКАЗАНИЯ

В основе теологических теорий лежит убеждение, что твердые точки опоры для решения вопроса о праве наказания можно найти лишь в религии. Указанная точка зрения имеет богатейшую историю, охватывающую период от античности до настоящих дней.

Среди первых философов, более остальных пропагандировал эти взгляды Плутарх. Необходимость наказания древнегреческий философ основывает на нравственном учении, имеющем религиозный, божественный источник. Все доброе исходит от единого высшего источника добра¹. Несмотря на внешнюю строгость и жесткость, наказание по своей природе – порождение доброго начала и необходимо как преступнику, так и всему обществу. Заслуженное воздаяние каждому есть «лечение души, называемое законом и справедливостью»², и должно налагаться для очищения преступника. Душа преступника после совершенного преступления, по мнению Плутарха, чернеет. Этот цвет держится лишь до конца наказания и очищения, а потом исчезает, и душа становится снова бесцветна и блестяща. Кроме того, наказание положительно влияет на общество, ибо когда учитель наказывает одного из мальчиков розгами, то этим он дает урок и остальным, а полководец, наказав смертью из десяти одного, понуждает всех остальных к исполнению долга. В этом вообще состоит смысл законности: наказывая одних, удерживать от преступления других.

Само наказание должно налагаться и исполняться после глубокого и внимательного изучения проступка, т. е. в должное время и должным образом, а не внезапно и немедленно. Наказание не может применяться поспешно, когда после совершенного преступления эмоции судей еще не остыли. Плутарх приводит в пример поступок известного философа и полководца Архита, который узнав, что рабы его в поле вели себя беспутно и праздно, почувствовал гнев, но ничего не сделал, а только сказал, уходя: «Ваше счастье, что я на вас разгневался».

К нераскрытым преступлениям надо относиться с пониманием того, что возмездие уже начало свое действие. Сам факт совершения злодеяния подготавливает орудие наказания; казнь – лишь последняя точка в этом процессе. Преступники, которым кажется, будто бы они избежали возмездия, в действительности принимают его, и не долгое время спустя, а в течение всего этого долгого времени: они не в старости наказаны, но состарились под наказанием. Преступление после кратковременного и пустого удовлетворения приносит лишь безнадежность, страх, волнение, горькие воспоминания, опасение за буду-

¹ См.: Трубецкой С.Н. Философия Плутарха / В сб. Плутарх. Исида и Осирис. Киев, 1996. С. 230.

² Плутарх. Почему божество медлит / В сб. Плутарх. Исида и Осирис. Киев, 1996. С. 132.

щее и недоверие к настоящему. Сам факт совершения преступления говорит о том, что никто не избежит наказания.

Таковы основные взгляды на природу и содержание наказания в философии Плутарха. Его воззрения трудно назвать последовательно теологическими. Кроме того, по мнению Ф. Бэкона, греческая философия «смешана с грубым и обременительным суеверием»¹. Несмотря на очевидную теологичность суждений Плутарха, выводы его скорее прагматичны. Очищение преступника и удержание общества от новых преступлений – вот главные цели наказания. Если же говорить шире, то как в медицине, так и тут: что необходимо для излечения, то и справедливо.

Для иллюстрации другой теологической точки зрения на природу наказаний, рассмотрим теорию (конца XIX века) русского философа Владимира Соловьева. Последний видел в наказании особую форму нравственно обязательной помощи ближним.

«Нравственное начало требует реального противодействия преступлениям и определяет это противодействие, как правомерное средство деятельного человеколюбия, законно и принудительно ограничивающее внешние проявления злой воли не только ради безопасности общества и его мирных членов, но непременно также и в интересах самого преступника»². Наказание – явление многостороннее: терпящий от преступления имеет право на защиту и по возможности на вознаграждение; общество имеет право на безопасность; преступник имеет право на вразумление и исправление.

Такое решение вопроса выводится автором из безусловного начала нравственности, принимающего следующее правило: «В совершенном внутреннем согласии с высшею волею, признавая за всеми другими безусловное значение и ценность, поскольку в них есть образ и подобие Божие, принимай возможно более полное участие в деле своего и общего совершенствования ради окончательного откровения Царства Божия в мире»³. Реализация этого правила возможна только в хорошо организованном обществе. Как дух человеческий в природе для того, чтобы реально проявляться, требует необходимо совершеннейшего из физических организмов, так Дух Божий в человечестве, или Царство Божие для своего действительного проявления требует совершеннейшей общественной организации, которая и вырабатывается всемирной историей.

Приведенные положения с достаточной отчетливостью и полнотой характеризуют ту почву, на которой выросло изложенное выше решение вопроса о наказании. Последнее вообще имеет право на су-

¹ Бэкон Ф. Новый органон / В сб. Мир философии: книга для чтения. В 2-х ч. Ч. 1. М., 1991. С. 619.

² Соловьев В.С. Оправдание добра. М., 1996. С. 293.

³ Там же. С. 185.

ществование только потому, что во всех человеческих обществах всегда были, есть и до конца мира будут действительные преступники, т. е. люди со злой волей, настолько сильной и решительной, что они ее прямо практически осуществляют во вред своим ближним и с опасностью для целого общества. К сожалению, уголовные наказания, повсеместно употребительные, представляют собой историческую трансформацию первобытного принципа кровной мести, что не в полной мере соответствует той «естественной религии», которая возводится автором первопричиной нравственности.

По мнению В.С. Соловьева, в социальной практике наказания традиционно конкурируют два подхода. К первому он относил доктрину отщепенца, выраженную в простонародной формуле: «Злодея жалеть нечего; собаке собачья и смерть!»¹ Другое направление философ называл доктриной словесного вразумления, замечая, что у русских преступники всегда назывались «несчастливыми». Логичным следствием второй точки зрения, выбранной автором за основу, стало отрицание принципов устрашения и возмездия. Целью наказания может быть только нравственное излечение или исправление. Общественная опека над преступником, порученная компетентным людям с целью его возможного исправления, - вот единственное понятие «наказания» или положительного противодействия преступлению, допускаемое нравственным началом. Наказание не может быть поэтому заранее определенной мерой. Суд, установив виновность, должен затем определить ее вид, степень ответственности преступника и его дальнейшей опасности для общества, т. е. должен произвести диагностику и составить прогноз нравственной болезни, но предписывать бесповоротно способ и продолжительность лечения противно разуму.

По мнению ученых, высказывающих замечания, доктрина В.С. Соловьева страдает «большими пробелами». «На чем основано убеждение автора, - писал С.В. Познышев, - что для исправления преступников необходимо именно наказание? «Для защиты лиц, безопасности общества и дальнейшего блага самого преступника требуется прежде всего, чтобы виновный в преступлении был на некоторое время лишен свободы» говорит автор. Но почему же? Почему «опека» над преступником, преследующая исключительно цель нравственного излечения его, должна необходимо принимать форму тюремного заключения? Если иметь в виду исключительно цель исправления преступника, то наказание окажется, пожалуй, совсем ненужным»¹.

Помимо этого, Б.С. Чичериным высказывались возражения относительно той естественной религии, в которой В.С. Соловьев находит основания нравственности. «Естественная религия есть плод метафизики, т.е. создание человеческого разума, обращенного на познание

¹ Познышев С.В. Указ. соч. С. 97.

абсолютного... Ни самое существование Бога, ни воля его относительно человеческих действий не открываются нам непосредственно... Они становятся достоянием нашего сознания только в силу умозаключений, скрытых или явных... Отсюда несостоятельность всех попыток утвердить нравственность на этом основании»¹.

Итак, наказание приобретает в теологических теориях значение божественного веления. Но допустить, что Богом навсегда заповедано карать преступников, допустить существование естественного уголовного права, начертанного Творцом в разуме человека, значило бы признать, что по воле Всевышнего, нравственной природе человека всегда будут присущи те свойства, при отсутствии которых наказание утрачивает смысл и возможность существования, а люди никогда не смогут уяснить себе те нравственные черты, которые предписывает Евангелие.

Евангелие, имеющее для христианина особое значение, дает образ нравственного совершенства, но не содержит в себе ни политического, ни уголовно-правового учения. Одни находили в Св. Писании основания для защиты смертной казни, другие из того же источника черпали уверенность в недопустимости этой исключительной меры; одни решительно отвергают принцип возмездия, другие видят в нем заповеданное Богом основное начало карательной деятельности. Многочисленность и противоречивость теорий, построенных на одних и тех же религиозных постулатах, указывают на невозможность создания «истинной» теологической доктрины. Даже Л.Н. Толстой, возражавший против утверждения, что «учение христианское касается личного спасения, а не касается вопросов общих, государственных»², признавал: «Все на самые разные лады понимают учение Христа, но только не в том прямом смысле, который неизбежно вытекает из его слов»³.

Теологическая точка зрения, являясь господствующей в литературе и общественном правосознании древнего мира и средних веков, в современных воззрениях почти не представлена. Можно предположить, что прямое влияние религиозных учений на решение рассматриваемых проблем будет иметь все меньшее и меньшее значение.

К другой группе теорий относятся те, которые полагают, что основания права наказания представляют собой познание, обретаемое не из опыта, а независимо от него, опираясь исключительно на сверхопытные, метафизические основания. Единственным руководящим принципом карательной деятельности признается начало абсолютной справедливости. Метафизические теории не отрицают принципа пользы наказания. Однако, они утверждают, что польза не может считаться достаточным основанием законности наказания, а наказание – не

¹ Чичерин Б.Н. Философия права. М., 1900. С. 164.

² Толстой Л.Н. В чем моя вера? С. 19.

³ Там же. С. 35.

средство добывания различных польза. «Горе тому, - говорит Кант, - кто будет руководствоваться змеинными указаниями принципа пользы. фарисейским изречением: «Лучше одному человеку умереть, чем всему народу пострадать», ибо, если уничтожиться справедливость, то и жизнь человеческая потеряет цену»¹.

По содержанию многие из рассматриваемых теорий сходны с теологическими, но отличаются от них по основаниям. Основания их представляют не религиозные верования, не допускающие критики и проверки, а сверхопытные познания разума, истинность которых утверждается на известных логических основаниях и может быть проверена.

Первые зачатки указанных теорий можно отыскать еще в воззрениях древнегреческих философов (Пифагора, Платона, Аристотеля). Но полного и законченного развития эти направления достигают лишь со времени появления теорий Канта и Гегеля.

Остановимся подробнее на учении Платона, создавшего наиболее полные и интересные уголовно-политические построения. В ранних его диалогах доминирует рационализм, собственно же платоновская философия сформировалась в более поздних работах². Кроме того, в трудах Платона необходимо различать два подхода: в одних он выступает как философ, в других – как политик. В трудах первой категории учение о праве наказания находится в зависимости от общего учения о мировой гармонии. Последняя обнаруживается в законе и правопорядке и отражается в гармоничном устройстве души индивида. Указанная гармония нарушается преступлением и восстанавливается наказанием. Сущность и главная задача наказания – восстановление гармонии и справедливого порядка. Основой здесь служит идея награждающей справедливости, как звено между земным и вневременным бытием. Награждающая справедливость целесообразна потому, что внутренняя благодать, которую дает добродетель, - прекраснейшая и высшая награда³. «Как нет ничего прекраснее справедливости, так нет ничего безобразнее и несчастливее несправедливости, хотя бы она и пользовалась большим благополучием»⁴. Под справедливостью при этом понимается «умиротворенность души в самой себе и упорядоченность частей души как друг по отношению к другу, так и в целом...»⁵. Наказание, таким образом, является благом для преступника, восста-

¹ Кант И. Метафизика нравов. Сочинения. В 8-ми т. Т. 6. М., 1994. С. 367.

² См.: История политических и правовых учений. Учебник для вузов / Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 1997. С. 51.

³ По мнению Платона, вопрос о справедливости требует особого внимания, т. к. «относительно справедливости у нас царит полная сумятица и неразбериха» (см.: Законы. Собр. соч. в 4-х т. Т. 4. М., 1994. С.320).

⁴ Платон. Горгий. <http://philosophy.allru.net/perv187.html>.

⁵ Платон. Определения. Собр. соч. в 4-х т. Т. 4. С. 616.

навливая в его душе гармонию¹. Именно этим, в числе других средств, поддерживается мировой порядок. Потому от правосудия нельзя скрыться. Оно никогда не оставит тебя в покое: так ли ты мал, что можешь погрузиться в глубины земли, или так высок, что в состоянии подняться до неба, - все равно ты понесешь назначенное богами наказание – здесь ли, на земле, будучи ли перенесен в Аид или в еще более лютное место. Помимо этого, наказание является примером для других, которые видя страдания преступника, устрашаются и исправляются.

Иначе дело обстоит в других трудах Платона, где учение о гармонии связывается не с мировым порядком и душой индивида, а только с государственным устройством. Преступление рассматривается не как болезнь души, а как болезнь государства, лечение которой является обязанностью государственной власти. В указанных работах философ развивает идею исправительной (или карательной) справедливости. Имея при этом в виду не идеальное, а реальное государство, Платон устанавливает законы, считаясь с человеческим несовершенством, а потому из целей наказания указывает, прежде всего, обеспечение порядка в обществе и устрашение преступника. Отсюда требование о том, что законы обязательны для исполнения, и «никто из граждан никогда не должен сметь поступать вопреки законам, посмевшего же так поступить надо карать смертью и другими крайними мерами»².

Еще больше внимания обращено на исправительную цель наказания. Нельзя согласиться с М.Н. Чубинским, что последняя у Платона «понимается в чисто моральном смысле»³. Обосновывая, в частности, жесткость некоторых наказаний, Платон прямо указывает, что «возможно, такое наказание исправит и образумит его (преступника). Дело в том, что по закону ни одно наказание не имеет в виду причинить зло. Нет, наказание производит одно из двух действий: оно делает наказываемого либо лучшим, либо менее испорченным»⁴.

Далее, вместо принципа возмездия, Платон предлагает принцип соразмерности наказания. Любое из наказаний должно накладываться, сообразуясь не только с совершенным проступком, но и степенью испорченности индивида. Говоря об этом, философ впервые рисует лестницу наказаний. Наказанием должны быть смерть, тюремное заключение, палочные удары, унижительные места для сидения и стояния или стояние возле святилищ на окраине страны; либо денежная пеня. Заметим, что смертная казнь рекомендуется как крайнее средство, когда все другие наказания оказываются бессильными, а преступник представ-

¹ Платон, в частности, говорит, что «убийца должен очистить свои руки от убийства». См.: Законы. Собр. соч. в 4-х т. Т 4. 1994. С. 320.

² Платон. Политик. Собр. соч. в 4-х т. Т 4. С. 52.

³ Чубинский М.Н. Указ. соч. С. 57.

⁴ Платон. Законы. Собр. соч. в 4-х т. Т 4. С. 307-308.

ляется для судьи неисцелимым, так как он был воспитан с детства, а между тем не удержался от величайшего преступления:

У Платона можно встретить и другие важнейшие уголовно-политические начертания. Они касаются, в числе прочих, вопроса о предупреждении преступлений. Законодателю необходимо так составлять законы, чтобы каким бы то ни было образом заставить человека возненавидеть несправедливость и полюбить, или, по крайней мере, не питать ненависти к природе справедливости. Законы устанавливаются для людей с тем, чтобы научить их жить в мире друг с другом¹.

Для решения предупредительной задачи карательных мер, Платон обращается к отысканию причин, вызывающих преступления. В числе таковых философ упоминает гнев, стремление к наслаждениям и невежество. В связи с этим намечается принцип индивидуализации наказания: более серьезное наказание должен нести тот, кто совершил преступление по собственному неблагоразумию. Особая строгость рекомендуется для тех случаев, когда жестокость преступника сочетается с коварством.

Сказанного достаточно, чтобы уяснить важность теории Платона о наказании. Философы античности вообще сделали для развития уголовного права очень много. «Мы утверждаем, - писал М.Н. Чубинский, - что древний мир уже наметил многие из тех великих идей, пышный расцвет которых через много веков повел к коренному изменению уголовно-политического миросозерцания и радикальной реформе уголовного законодательства»².

Рассмотрим теперь взгляды на проблему наказания И. Канта и Ф. Гегеля, называемых специалистами философии права «главными представителями строго метафизических теорий»³. Заметим, что сегодня воззрения крупнейших философов зачастую трактуются крайне примитивно. Как пишет, к примеру, В.А. Ломако: «Представители абсолютных теорий (Кант, Гегель и их последователи) не видели в наказании никакого иного смысла, кроме единой абсолютной цели – цели возмездия за совершенное преступление»⁴.

Теория Канта находится в связи со всем миросозерцанием этого великого мыслителя. Философия его названа им самим критической, потому что он начал с критики душевных способностей, разума и воли. Критический анализ познавательных способностей понадобился потому, что теория познания, по мнению философа, не могла более

¹ См.: Бачинин В.А. Философия преступления: конспект лекций. СПб, 2000. С. 21.

² Чубинский М.Н. Указ. соч. С. 68.

³ Познышев С.В. Указ. соч. С. 116.

⁴ Ломако В.А. О целях наказания и путях их достижения // Проблемы законности: Міжвідом. науч. зб / Відп. Ред. В.Я. Тоцій. Харків, 1997. С. 111.

основываться на догматическом методе рационализма XVII века¹. «Наша критика, - писал Кант, - не против *догматического метода* разума в его чистом научном познании (ибо наука всегда должна быть догматической, т. е. должна давать строгие доказательства из надежных априорных принципов), а против *догматизма*, т. е. против притязаний подвигаться вперед с помощью одного только чистого знания из понятий (философских) согласно принципам, давно уже употребляемым разумом, не осведомляясь о правах разума на эти принципы и о способе, каким он дошел до них. Итак, догматизм есть догматический метод разума, не *предваряемый критикой способностей разума*»².

Задав себе вопрос: «что мы можем знать?», Кант находит, что мы не знаем и не можем знать предметов внешнего окружающего нас мира в их существовании (ноумен); знание же наше ограничивается только явлениями вещей (феномен), т. е. впечатлениями, производимыми вещами и воспринятыми умом. Иными словами, вещи мы знаем не такими, какими они есть, но какими они нам представляются. «Мы отличаем предмет, как *явление*, от того же предмета, как *объекта самого по себе* (То)... как я представляю их себе, зависит от моего способа представления, а не от этих объектов самих по себе»³. Само понятие ноумена необходимо Канту для того, чтобы чувственное созерцание не переступало пределов вещи в себе, ограничиваясь лишь объективной ценностью чувственного⁴.

В процесс познания ум вносит в свое знание вещей много таких врожденных независимо от всякого опыта (априорических) элементов, которых в вещах нет, но без которых вещи не могут быть мыслимы. «Отвлечитесь постепенно от вашего опытного понятия *тела* все эмпирическое, что в нем есть: цвет, твердость или мягкость, даже непроницаемость, и тогда все же останется *пространство*, которое было занято телом (теперь уже совершенно исчезнувшим), и от которого вы не можете отвлечься... Вы должны, поэтому, под влиянием необходимости, с которой это понятие навязывается вашему уму, признать, что оно имеет свой источник в нашей познавательной способности *a priori*»⁵. Представления могут образовываться, только подводя впечатления под присущие ему формы пространства и времени. «Пространство и время, - указывает Кант, - суть чистые формы его (способа восприятия), а ощущение вообще есть его содержание»⁶. Из представлений

¹ См.: Введение в философию: Учебник для вузов. В 2-х ч. Ч. 1 / Под общ. ред. И. Фролова. М., 1990. С. 170.

² Кант И. Критика чистого разума. СПб., 1993. С. 28.

³ Кант И. Указ. соч. С. 67.

⁴ См.: Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 3. Новое время. Спб., 1996. С. 646.

⁵ Кант И. Указ соч. С. 34-35.

⁶ Кант И. Указ соч. С. 62.

познавательная способность вырабатывает отвлеченные понятия, сводя эти представления к врожденным уму категориям. Эти категории 4-х родов: категории количества – единое, многое, все; категории качества – бытие, отрицание, ограничение; категории отношения – субстанция и признаки, причина и следствие, взаимодействие; категории способа существования предметов – возможность, действительность и необходимость. «Разум не берет их из опыта, ибо они составляют необходимое условие всякого опыта; они только и делают для нас опыт возможным»¹. В дальнейшем процессе своей деятельности, познание объединяет указанные выше ограниченные понятия, относя их к идеям (душа, вселенная, Бог) – коренным бесконечным началам, врожденным уму. Эти идеи не могут быть проверены опытом относительно своей реальности и доказаны логически, они непосредственно знаемы, очевидны уму.

Таким образом, допуская существование предметного мира, Кант утверждает, что мир этот нам недоступен, и в своем знании мы имеем дело не с этим миром, а с нашей мыслью о нем. Какое-либо достоверное знание достигаемо только в присущих нашему разуму формах, категориях мышления, идеях. «До сих пор полагали, – говорит Кант в предисловии к «Критике чистого разума», – что наше знание определяется познаваемыми предметами, теперь же станет очевидным, что предметы определяются нашими знаниями»².

Изучая волю человека, Кант доказывает, что и в практической своей деятельности человек не зависит от внешнего мира. Практический разум, направленный к осуществлению во внешнем мире того, что создано разумом теоретическим, сам из себя, независимо от опыта, определяет для воли особые детерминанты – «практические принципы». Кант делит практические принципы на «максимы» и «императивы». «Максима есть субъективный принцип воления»³, они относятся к отдельным индивидам, а не всем вместе. Императивы, напротив, являются объективными практическими принципами, значимыми для всех. «Представление об объективном принципе, поскольку он принудителен для воли, называется велением разума, а формула воления называется императивом»⁴. Несмотря на стремление воли исполнить эти законы, их полное осуществление невозможно. У человека есть наклонности, которые противятся исполнению закона, относительно этой стороны человеческого бытия закон является принуждением. Императивные предписания разума бывают гипотетические

¹ Чичерин Б.С. История политических учений. Часть 3. Новое время. М., 1874. С. 327.

² Кант И. Указ. соч. С. 21.

³ Кант И. Основоположения метафизики нравов. Сочинения. В 8-ми т. Т. 4. М., 1994. С.170.

⁴ Кант И. Основоположения метафизики нравов. С.185.

(условные) и категорические (безусловные). Если поступок хорош только «как средство, - писал Кант, - то мы имеем дело с *гипотетическим* императивом; если он представляется как хороший *сам по себе*, стало быть как необходимый для воли, которая сама по себе сообразна с разумом как принципом ее, то императив – *категорический*»¹. Последний касается не содержания поступка, и не того, что из него должно последовать, а формы и принципа, из которого следует сам поступок; существенно хорошее в этом поступке состоит в убеждении, последствия же могут быть какие угодно. Этот императив также можно назвать императивом *нравственности*. Он может быть выражен словами: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству»².

Наказание является одним из категорических императивов, а право наказания – это право повелителя причинить страдание подчиненному за совершенное им преступление. Наказание не должно быть применяемо как средство достижения какого-либо блага для общества или самого преступника. Наказание лишь потому должно налагаться на преступника, что он совершил преступление. Он должен быть признан подлежащим наказанию до того, как возникнет мысль о том, что из этого наказания можно извлечь пользу. «Даже если бы гражданское общество распустило себя по общему согласию всех его членов..., все равно последний находящийся в тюрьме убийца должен был бы быть до этого казнен, чтобы каждый получил то, чего заслуживает его действие»³.

Характер и размер кары определяются требованием равенства между преступлением и наказанием или воздаянием равным за равное. Основанная на указанных принципах карательная система Канта исключительно сурова. За убийство должна быть назначена смертная казнь, ибо здесь нет иного суррогата для удовлетворения справедливости. За кражу следует назначать временные или вечные работы. Тот, кто что-то украл, делает ненадежной собственностью всех остальных; следовательно, он отнимает у себя (согласно праву возмездия) надежность всякой возможной собственности; он ничего не приобрел и ничего не мог приобрести, но жить хочет, а это теперь возможно, только если его будут кормить другие. Но так как государство не будет этого делать даром, то он должен предоставить в его распоряжение свои силы для работ, какие оно найдет нужным (например, для каторжных или исправительных работ), и таким образом он на некоторое время или же по усмотрению (власти) пожизненно попадает в положение раба. За обиду словом, по мнению Канта, следует наказывать не денеж-

¹ Там же. С. 187.

² Там же. С. 205.

³ Там же. С. 368-369.

ными взысканиями, нечувствительными для богатых и не имеющих аналогии с данным преступлением, а соответствующим унижением высокомерия обидчика, который в соответствии с судебным приговором и правом будет вынужден не только публично просить извинения, но и целовать руку тому, кого он оскорбил. Не менее строгие наказания предусмотрены и для других видов преступлений (кастрация, например, за мужеложство и изнасилование).

Такова в общем виде система Канта. Как писал В.Д. Спасович, «она поражает нас уважением высказывающимся в ней к личности человека, обожанием правосудия неподкупного, неумолимо-строгого, не внемлющего никаким наущениям пользы общественной»¹.

При этом нельзя не удивляться его карательной системе, в состав которой входят такие позорные способы унижения и поругания в преступнике его человеческого достоинства, как, например, кастрация. «Трудно понять, - утверждал С.В. Познышев, - каким образом эта средневековая система могла уживаться у Канта с высокими заветами его морали»².

Подвергалось критике и отсутствие у философа объяснений того положения, что только уголовное правосудие является воздаятелем преступления. Злодей достоин наказания, но почему он должен быть наказан, а не предоставлен упрекам совести. «Остается также бездоказательным...», - указывал Н.С. Таганцев, - каким образом нравственный институт воздаяния перерождается в юридический - наказание... , на чем основывается право государства быть исполнителем требований морального порядка»³. Не находя ответов на многие вопросы, исследователи Канта вынуждены были их домысливать. «Опасность, угрожающая обществу от преступлений, составляет причину, по которой только государству, по мнению Канта, служит право наказывать»⁴, - дописывал за философа С. Будзинский.

Нельзя не согласиться с мнением тех ученых, которые указывали на невозможность применения принципа талиона для всех случаев. Как казнить всех государственных преступников, фальшивомонетчиков, серийных убийц, имеющих для расплаты только одну жизнь? Можно было бы и далее продолжить огромный перечень критических замечаний, высказанных криминалистами. Однако именно размером этого перечня и определяется научное и философское значение теории Канта. «Мы знаем, - писал Дж. Уилер, - что все наши теории ошибочны. Задача, следовательно, состоит в том, чтобы делать ошибки рань-

¹ Спасович В.Д. Указ. соч. С. 18.

² Познышев С.В. Указ. соч. С. 120.

³ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2-х т. Т. 2. С. 26.

⁴ Будзинский С. Указ. соч. С. 20.

ше»¹. Повторим вслед за К. Поппером, что статусом научности вообще обладают только те высказывания, которые могут быть опровергнуты эмпирическим путем, т.е. путем фальсификации; принципиально не фальсифицируемые утверждения не могут рассчитывать на такой статус².

Перейдем к рассмотрению теории Г.В.Ф. Гегеля. Его философию обычно называют философией абсолюта, созданную им уголовную теорию – доктриной диалектического возмездия (или кары как диалектической необходимости³), а мировоззрение – идеалистическим пантеизмом.

«В предметном мире есть смысл, разум, что дух и природа имеют всеобщие законы, согласно которым протекает их жизнь и совершаются их изменения»⁴, - писал Гегель. Идея развивается в строгом диалектическом порядке и проходит несколько этапов. Сначала, направляясь на что-либо конкретное, идея определяет сама себя и получает ограничивающее ее содержание (тезис), затем в естественном порядке идея переходит к отрицанию поставленной определенности (антитезис), но, не останавливаясь на этом отрицании, объединяет предыдущие моменты новым высшим отрицанием (синтез).

Первоначальное положение «духа в себе» составляет предмет *логики*, которая предшествует истории и природе⁵. Только на следующей ступени абсолютный дух раскрывает себя в природе, и эта ступень развития составляет предмет *философии природы*. На последней ступени развития абсолютный дух возвращается к себе и достигает познания себя как духа в человеке; эта конечная ступень диалектического развития называется *философией духа*. Выделенные разделы определили структуру написанной Гегелем в 1817 году книги, названной им «Энциклопедия философских наук»⁶.

В области философии духа Гегель также выделяет три находящихся в диалектическом единстве элемента. Дух существует сначала как единственный (индивидуальный) или субъективный. Коренное его свойство состоит в свободе, т.е. самоопределяемости к действию. Затем этот дух объективируется, реализуя свободу в праве, нравственности, государстве. На последней ступени существования объективированный в праве дух возвращается сам в себя, становясь абсолютным духом в искусстве, религии, философии.

¹ Цит. по: Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: Учебная хрестоматия. М., 1996. С. 83.

² См.: Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М., 1987. С. 503.

³ См.: Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремным содержанием. С. 25.

⁴ Цит. по: Мир философии: В 2 ч. Ч. 1. М., 1991. С. 633.

⁵ См.: Философия: Учебник / Под ред. В.Н. Лавриненко. М., 1998. С. 98.

⁶ См: Труфанов С.Н. «Наука логики» Гегеля в доступном изложении: Учеб. пос. Самара, 1999. С. 7.

Диалектика духа лежит в основе и уголовного права, и наказания. Воля индивидуальная представляет собой пустую форму; ее содержание – абсолютный дух. Возьмите все человеческие разумы, отрешите их от формы, отделите их от корня индивидуальности и, объединяя, составьте из всех этих разумов одно начало. Это начало и будет разум безусловный. В отношении индивидуальной воли к безусловной существует возможность их раздвоения, т.е. неправды или преступления.

Гегель различает три вида неправды. Первая - это нарушение права добросовестное или *неправда гражданская*, когда индивидуальная воля расходится с абсолютной, не осознавая этого. Гражданская неправда есть самая незначительная неправда, т. к. нарушает только частную волю, полностью признавая волю общую. «Если я говорю, - пишет Гегель, - роза не красна, то я все-таки еще не отрицаю, что она не обладает цветом. Я поэтому не отрицаю рода, а отрицаю лишь особенное, красный цвет. Точно также и здесь признается право, каждое лицо хочет правового и добивается лишь того, чтобы с ним поступали в соответствии с правом»¹. Другой вид неправды - *ябеда и обман*. Частная воля при этом не нарушается, потому что обманывающий не видит своей обиды, однако нарушается воля общая. Обман влечет за собой наказание, ибо здесь идет речь о нарушении права. Наконец, третий вид неправды - *преступление и принуждение*, которые есть открытое посягательство на само право. «Настоящую неправду представляет собой преступление, в котором не уважается ни право в себе, ни право, каким оно мне кажется, в котором, следовательно нарушены обе стороны, субъективная и объективная»², - указывал Гегель. Поскольку преступление отрицает право (есть антитеза права), то по закону диалектического развития идея впоследствии самоотрицается. Такое отрицание отрицания, т.е. действие положительное, есть наказание. Оно безусловно необходимо. «Поражение этой воли (преступника) в качестве налично существей есть, следовательно, снятие преступления, которое в противном случае *сохраняло бы значимость*, и есть восстановление права»³. Именно на этой почве должны строиться теории наказания, а не на призрачных правилах типа того, что наказание как зло допустимо, так как существует уже другое зло. Указанное положение имело глубокое влияние на последующие положения философов права и криминалистов. «Истинная теория наказания, - писал Б.Н. Чичерин, - есть та, которая отправляется от начала, составляющего самое существо права – от правды, воздающей каждому свое. Это и признается всеми законодательствами в мире... Воля, отрицающая закон, в

¹ Гегель Г.Ф.В. Философия права. М., 1990. С. 140.

² Там же. С. 144.

³ Гегель Г.Ф.В. Там же. С. 146. См., также: Гегель Г.Ф.В. Система нравственности / Политические произведения. М., 1978. С. 365.

свою очередь, отрицается умалением прав; этим самым восстанавливается владычество закона и подчинение ему свободы. Это так просто и ясно, что удивительно, как можно против этого возражать»¹. Наказание, следовательно, становится правом самого преступника в том смысле, что преступник должен быть уважаем как вместилище абсолюта. «Наказание, карающее преступника, не только... его право, - но есть также право, *положенное в самом преступнике*»².

Из представленных выше умозаключений о наказании Гегель выводит и меру наказания. Поскольку «снятие преступления есть возмездие... (следовательно) всеобщее чувство народов и индивидов гласит, и всегда гласило, что преступление *заслуживает* наказания и что *с преступником следует поступить так же, как поступил он*»³. Последнее можно признать принципом равенства, но не талиона. Равенство понимается Гегелем не как грубое материальное возмездие Канта, а как внутреннее тождество (или специфическое равенство). В наказании вообще «разумно только возмездие, ибо посредством него покоряется преступление...»⁴. При этом наказание в виде материального возмездия (как воровство за воровство, грабеж за грабеж, око за око, зуб за зуб) философ называет абсурдом. Общим знаменателем, к которому приводятся различные преступления и наказания, является ценность: воровство, грабеж, а также наказания в виде денежных штрафов и тюремного заключения и т.п. совершенно неравны, но по своей ценности, по тому их общему свойству, что они нарушения, они сравнимы. Сам вывод уравнивания принадлежит уже не философии, а практике. Мысль не может дать указаний о том, что такому именно наказанию должен быть подвергнут совершивший то или иное преступление, для этого необходимы позитивные определения. Задачу философии Гегель видит только в указании общего принципа для определения наказания.

Таковы, в самом общем виде, взгляды крупнейших немецких философов на проблемы наказания. Влияние теорий Канта и Гегеля на развитие общественной мысли трудно переоценить⁵. Несмотря на самую жесткую критику (не всегда, к слову сказать, корректную и спра-

¹ Чичерин Б.Н. Философия права. С. 154.

² Гегель Г.Ф.В. Там же. С. 147.

³ Там же. С. 149.

⁴ Гегель Г.Ф.В. О научных способах исследования естественного права / Политические произведения. С.227.

⁵ Не все оценки, однако, так однозначны. Так, М.Н. Чубинский указывал, «что с уголовно-политической точки зрения доктрина Гегеля дала очень мало положительного материала и никоим образом не могла содействовать дальнейшему росту уголовно-политической мысли» (см.: Чубинский М.Н. Указ. соч. С. 229).

ведливую¹⁾ едва ли не любого положения доктрин этих философов, значение их признавали и сами критики. «Около теории этих двух корифеев германской философии, - писал С.В. Познышев, - группируется ряд доктрин одного с ними направления, возникших большей частью под их могучим влиянием»²⁾. Однако развитие рассматриваемых теорий, претендующих нераздельно царить во всех областях человеческого знания, пришло во второй половине 19 века к собственному отрицанию и повсеместному распространению убеждения, что уголовная теория (как и философия наказания) может и должна строиться всецело на опытных основаниях. Указанную задачу пытались решить эклектические и эмпирические (или утилитарные) теории.

4. ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ (УТИЛИТАРНЫЕ) ТЕОРИИ НАКАЗАНИЯ

Появление утилитаризма и его широкое распространение в уголовной политике подготовлено самим развитием предшествующей уголовно-правовой мысли и общественной практикой. Жесточайшая система наказаний средних веков, постоянно усиливаясь, дошла до абсурда и вынуждена была повернуть в сторону ослабления уголовной репрессии. Исчерпал себя и основополагающий постулат классической школы уголовного права о необходимости возмездия наказания и его пропорциональности преступлению. «Сталкиваясь с низкой эффективностью того или иного правового запрета, криминалист-классик всегда искал возможность ее повышения за счет усиления санкции... т.е. увеличения наказания»³⁾. Напротив, утилитаризм, как жизненная ориентация и этическое учение, в соответствии с которыми высшей ценностью признается польза, предписывает выбирать линию поведения, ведущую к достижению наибольшего блага с наименьшими потерями. Воздействие, следовательно, должно быть таким, чтобы приносило конкретную пользу преступнику и обществу.

Классической утилитарной теорией принято считать теорию английского философа и правоведа И. Бентама. К основополагающим со-

¹ Не замечая положений Гегеля о том, что философия устанавливает только неизбежность наказания в качестве *общего принципа*, С.В. Познышев в своей критике заостряет внимание на тех *частных случаях*, когда «преступление сходит с рук безнаказанно, что преступники получают иногда помилование...» (см.: Познышев С.В. Указ. соч. С. 144). А.Ф. Кистяковский говорил, что воззрения Канта и Гегеля на проблемы наказания «суть теории кабинетных идеологов, теории литературные, а ненаучные» (см.: Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. С. 65).

² Познышев С.В. Указ. соч. С. 116.

³ Иванов Л.О., Ильина Л.В. Пути и судьбы отечественной криминологии. М., 1991. С. 54.

стояниям человеческой природы он относил удовольствия и страдания, а главным принципом нравственности считал принцип пользы. «Под принципом пользы понимается тот принцип, который одобряет или не одобряет какое бы то ни было действие, смотря по тому, имеет ли оно стремление увеличить или уменьшить счастье той стороны, об интересе которой идет дело...»¹. Пользой Бентам называет то свойство предмета, по которому он имеет стремление приносить благодеяние, выгоду, удовольствие, добро или счастье.

Польза должна определять деятельность всех и каждого, пронизывая дух всякого поступка и установления. Общая цель, которую имеют, или должны иметь все законы, есть вообще увеличение целого счастья общества и поэтому устранение, насколько возможно, всего того, что стремится уменьшить это счастье. Дело правительства состоит в том, чтобы содействовать счастью общества посредством наказаний и наград. Та часть его дела, которая состоит в наказании, и есть предмет уголовного права. Когда определенное действие стремится нарушить это счастье, появляется потребность в наказании, соразмерном такому стремлению.

Всякое наказание есть вред, всякое наказание есть само по себе зло. По принципу пользы, если только должно быть допущено наказание, оно должно устранять какое-нибудь большее зло. Исходя из сказанного, Бентам формулирует практические правила применения уголовного наказания. Последнее, в частности, недопустимо в следующих случаях:

1) Где оно *неосновательно*; где нет вреда, который бы оно предотвращало.

2) Где оно должно быть *недействительно*; где оно не может действовать так, чтобы предупредить вред.

3) Где оно *неприбыльно* или слишком дорого; где производимый им вред больше того вреда, который они должны предотвратить, а цели наказания при этом могут быть достигнуты более мягкими средствами: наставлением, примером, отсрочкой, наградой.

4) Где оно не нужно; где вред может быть предотвращен, или может прекратиться сам, без него, т.е. дешевле. При этом дешевизна понимается философом не столько в экономическом, сколько в моральном смысле; экономия репрессия означает у Бентама экономиию человеческих страданий.

При каждом назначении наказания правоприменитель должен обращаться к предложенной Бентамом таблице «зла и издержек», разделяющей зло уголовного наказания на пять составляющих:

¹ Бентам И. Избранные сочинения. Т. 1. СПб., 1867. С. 2.

1) Зло принуждения. Оно налагает более или менее тяжелое лишение, смотря по степени удовольствия, которое может доставить запрещенная вещь;

2) страдание, причиняемое наказанием, когда наказываются нарушители закона;

3) зло предвидения наказания (или опасение обвинения), когда совершившее преступление лицо чувствует, что подвергнется ему;

4) зло ложного преследования, свойственное всякому уголовному закону;

5) зло производное, переносимое родственниками или друзьями осужденного.

Учет указанных составляющих должен предопределить уникальность каждого акта назначения и исполнения наказания. Возраст, пол, звание, богатство или бедность и многие другие обстоятельства должны влиять на видоизменение наказаний за преступления одного и того же рода. Одно и то же заключение будет разорением для человека делового, смертью для слабого старика, вечным позором для женщины; и это будет ничто или почти ничто для людей, поставленных в другое положение. Реализация права наказания требует скорее «нравственной арифметики», чем мелочной математической пропорциональности.

Возведенная в главное правило целесообразность позволила Бентаму заявить о возможности применения давности в деле наказаний. Ученый счел возможным не применять наказание по прошествии двадцати лет после факта совершения преступления. В этом промежутке времени преступник отчасти перенес наказание: потому что опасаться его – значит уже его чувствовать. Притом он воздержался от подобных преступлений, он преобразовался, он снова сделался полезным членом общества. Указанное освобождение, однако, недопустимо, когда речь идет о крупном преступлении, например, о приобретении обманом, которое бы могло доставить богатство, многоженстве, изнасиловании, разбое. Зрелище преступника, спокойно пользующегося плодом своего преступления, покровительствующего нарушенным им законом, есть приманка для злодеев, предмет скорби для хороших людей, публичное оскорбление правосудию и нравственности.

Реализация принципа пользы сделала необходимым элементом уголовно-правовой системы И. Бентама право помилования, выступающего средством исправления слишком сурового для конкретного случая закона. Правда, и это исправление Бентам считает все-таки злом. «Сделайте хорошие законы и не делайте магического жезла, который имеет силу уничтожать их. Если наказание необходимо, его отменять не следует; если оно не необходимо, его не следует назначать», - таков главный вывод Бентама, сформулированный им в «Основных началах уголовного кодекса».

Теория Бентама имела заметное влияние на ход дальнейшего развития философской и уголовно-правовой мысли. Начиная со второй половины 19 века, теории пользы получили в уголовном праве преобладающее значение, почти вытеснив метафизические, теологические и другие абсолютные теории. Подобные изменения одновременно произошли и в криминологии вместе с распространением взглядов социологической школы.

Объяснение наказания через понятие пользы (или целесообразности) представляются для русского народного сознания вполне традиционным. Попробуем раскрыть сущность пользы, достигаемой путем применения наказания, или этимологического анализа. Соединение значений слов «*польза*», понимаемого в русском языке как «хорошие, положительные последствия, благо, выгода»¹, и «*наказ*» (после выделения в качестве корня от «наказания»), означающего наставление или поучение, позволяет увидеть пользу уголовно-правовой меры в ее назидательном характере. «Польза наказания» в наших рассуждениях тождественна «благу (выгоде) наставления».

Указанная точка зрения вполне согласуется с получившим широкое распространение мнением о частно- и общепредупредительном значении наказания. Именно так понимали его многие ученые-юристы. Н.А. Неклюдов, например, допускал наказание только «во имя охранения правомерности общественных отношений». Цель эта будет считаться выполненной только тогда, когда наказание сможет удерживать отдельных членов общества самого преступника от посягательств и нарушений в будущем².

¹ Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. С. 558

² См.: Неклюдов Н.А. Общая часть уголовного права (конспект). СПб., 1875. С. 89.

5. СМЕШАННЫЕ (ЭКЛЕКТИЧЕСКИЕ) ТЕОРИИ НАКАЗАНИЯ

К группе данных теорий специалисты относят те доктрины, которые опираются, с одной стороны, на сверхопытные, метафизические начала, а с другой - на соображения полезности. Начало эклектического (интегративного) направления можно обнаружить ещё в древности: немало последователей его нашлось и в новое время. Для иллюстрации эклектико – философской точки зрения на проблемы наказания, в настоящей лекции будут рассмотрены взгляды Марка Туллия Цицерона и Иоганна Готлиба Фихте.

Выясняя сущность права, уже на первых страницах своего трактата «О законах» Цицерон ставит вопрос: (может быть) «учение о праве следует черпать не из преторского эдикта, как ныне поступает большинство людей, и не из Двенадцати таблиц, как поступали наши предшественники, а из глубин философии?»¹. Выяснение природы права вовсе не связано с частноправовыми проблемами; для этого не надо рассматривать «ни вопроса о том, как нам обеспечить чьи-либо интересы в суде, ни о том, какой совет нам дать в том или ином случае»².

Установив существование естественного права и права божественного, Цицерон выводит дуалистическое определение закона. С одной стороны, закон есть заложенный в природе высший разум, велящий нам совершать то, что велено совершать, и запрещающий противоположное. Этот же разум, будучи общим для всех веков, возник раньше, чем какой бы то ни было писанный закон (и государство). С другой стороны, закон есть мысль Божества, разумом своим ведающего всеми делами, принуждая или запрещаая.

Главным атрибутом закона является справедливость. Составляя самую суть всеобщего должного порядка вещей, справедливые поступки позволяют субъекту жить в согласии с миром и с самими собой. Справедливость, следовательно, целесообразна и значительна сама по себе; она не ищет ни награды, ни платы, к ней стремятся ради нее самой.

Поскольку совершенное преступление есть вызов справедливости, постольку нарушенное ничем не искупить, а сам нарушитель обречен на наказание. Что «касается преступлений перед людьми и перед богами, то никакого очищения быть не может. Поэтому за них люди несут наказание не по суду (в древности никогда не выносили приговоров, ныне во многих местах их не бывает, а там, где их все же выносят, они весьма часто несправедливы); нет, преступников тревожат и преследуют фурии - и не пылающими факелами, как это бывает в трагедиях, а угрызениями совести и мучительным сознанием зла, содеянно-

¹ Цицерон М.Т. О государстве. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Речи. Письма. М., 1999. С. 155.

² Там же.

го ими»¹. Но и этим не исчерпывается возмездие. Божья кара за преступление заключается не только в душевных мучениях при жизни, но и в позоре после смерти: гибель преступников одобряется приговором живых и испытываемой ими радостью. Правильно назначенное наказание не ограничивается целями устрашения и возмездия, но и способствует исправлению преступника и предупреждению преступности в обществе. Справедливое наказание не возбуждает злобных и жестоких чувств.

Налагаемые людьми наказания и принимаемые ими законы еще далеки от совершенства, однако это не освобождает правящее сословие от обязанности приближать их качество к Божественным. Главное условие этого – равенство всех перед нормой права. Ведь смысл закона именно в том, что он принят и установлен для всех.

Когда говорят о Цицероне, как философе, то почти всегда отмечают, что он был эклектиком². Значение учения Цицерона не ограничивается изложенными выше идеями. Для современного уголовного права представляется гораздо более важным его эклектический метод (от греческого *eklego* - выбираю), позволяющий смешивать различные, в том числе противоположные взгляды.

Для философии Цицерона эклектика стала сознательной установкой, направленной на собирание всего наиболее ценного из греческой философии и предоставление возможности всем греческим философам донести до римлян свою истину. Именно с Цицерона эклектизм стал обозначать тенденцию, направленную на то, чтобы взять «самое лучшее» из различных философских учений³. Кроме того, зачатки его учения «послужили исходной точкой для философии нового времени. Спустя много веков мы встречаем почти буквальное повторение определений Цицерона. Таким образом, конец древнего мышления, пройдя через средние века, непосредственно примыкает к началу нового.

Одним из мыслителей рассматриваемого направления, оказавших существенное влияние на развитие как философской, так и правовой науки, стал Иоганн Готлиб Фихте (1762-1814 гг.).

Фихте обратил внимание на проистекающую из разума форму. Он взялся вывести всё человеческое познание из единого умозрительного начала, из чистого самосознания. Все наши ощущения и понятия - ничто иное как действия нашего Я. Человек непосредственно познает

¹ Там же. С. 164.

² См., напр.: Утченко С.Л. Политико-философские трактаты Цицерона / В кн. Цицерон М.Т. О государстве. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Речи. Письма. С. 740; Чичерин Б.Н. История политических учений. Часть I Древность и средние века. М., 1869. С.85.

³ Краткий философский словарь / Под ред. А.П. Алексеева. М., 2000. С. 372.

только самого себя¹. «Во всяком восприятии ты воспринимаешь только свое собственное состояние»², - говорит Фихте. «Полагание Я самим собою есть его чистая деятельность. Я полагает себя самого, и оно есть только благодаря этому самопониманию. И наоборот, Я есть, и оно полагает свое бытие благодаря только своему бытию...»³.

Субъект есть абсолютное начало как для самого себя, так и для того, что в нем заключается. Это – основной закон разума, закон тождества, исходящий из тождества субъекта с самим собой. Однако, полагая себя, разум обречен противопоставить себе нечто другое, Не-Я. «Я безусловно противопоставляется некоторое Не-Я»⁴, - формулирует Фихте второй закон разума, называемый также законом противоположения.

Определив два закона, мы должны отделить в сознании первый от второго, т. е. провести границу, которая сделает понятия определенными. Отсюда третий закон разума – закон сочетания противоположностей.

Всякое ограничение противоположностей заключает в себе два различных положения: с одной стороны, Не-Я ограничивает Я, с другой стороны, Я ограничивает Не-Я. Первое есть основание теоретического разума, второе – разума практического. Таким образом, Фихте попытался вывести все разнообразные формы сознания из субъективно – идеалистического начала. Весь мир явлений, по мнению этого философа, ничто иное как простой, формальный закон индивидуального знания, то есть простое, чистое, совершенное ничто. Гораздо большее значение имеет нравственный мир, который исследован философом в «Системе нравственного учения».

Центральное место здесь Фихте отводит изучению понятия свободы. «Моя система, - пишет философ, - есть от начала и до конца не что иное, как анализ понятия свободы»⁵. Если существо разумно, оно «не может не сознавать себя свободным; если же оно сознает себя свободным, то свобода должна быть законом его деятельности... Это – практический императив категорического разума... Это - закон чистой мысли, а не действительности; он прилагается к стремлению, а потому представляется как *требование или должное*»⁶.

Философия Фихте различает *формальную и материальную* свободу. Первая является результатом *сознания своего влечения*. Последнее рефлектируется, становится объектом мысли, сравнивается с другими,

¹ Чичерин Б.Н. История политических учений. Часть 3. Новое время. М., 1874. С. 397.

² Фихте И.Г. Назначение человека. СПб., 1905. С. 33.

³ Фихте И.Г. Сочинения. М., 1995. С. 285.

⁴ Там же. С. 292.

⁵ Фихте И.Г. Избранные сочинения. Том 1. СПб., 1916. С. ХСVIII.

⁶ Фихте И.Г. Сочинения. С. 409-410.

и решение является результатом сознательного действия воли. Формальная свобода в том, что человек может следовать влечению или не следовать, и из различных влечений выбирать то, которое ему кажется лучшим. Человек, однако, не ограничивается формальной свободой; он рефлектирует также свою свободу, при этом понятие о свободе становится руководящим началом его деятельности. Цель эта выходит за пределы всего, что дается ему естественными определениями.

Свободный субъект не единичен. Взаимоотношения свободных лиц представляются в двояком виде: как отношения внешней свободы, и как отношения внутренней свободы. Из первых рождается право, из вторых – нравственность. Право не выводится из нравственности. Нравственный закон знает юридически высшее освещение; он делает его общим для совести. Но это происходит именно от того, что право имеет значение само по себе: оно должно быть понято и выведено, как необходимое отношение разумно-свободных существ. Отсюда оно очерпает силу, совершенно независимо от нравственных начал.

Взаимное признание разумных существ выражается в том, что каждый ограничивает свою свободу свободой других, приписывая себе известную сферу деятельности и предоставляя такую же сферу другим. Общезнание свободных существ возможно только при соблюдении этого принципа. Такое отношение называется *юридическим* и управляемый им закон есть право. Как скоро мое право нарушается другим, так и я, со своей стороны, перестаю быть связанным юридическим законом. Для меня нет уже необходимости ограничивать свою свободу по отношению к нему, и я могу употреблять против него принуждение. Таким образом, самое начало взаимности ведет к тому, что в случае нарушения права с одной стороны, может быть употреблено принуждение с другой¹. Насилие – единственное средство защиты общественных отношений².

Принуждение, сопровождающее право, выводится из умолчания (или неприложимости) закона. Между тем правомерное принуждение не есть только *прекращение права*; напротив, это *восстановление права*. Насилие должно ограничиваться пределами нарушения права, если же оно идет дальше, то становится неправомерным.

Из рассмотренных выше положений, Фихте заключает необходимость установления договорного государственного порядка, который должен обеспечивать личные права. Для этого взаимные права должны ограничиваться взаимными соглашениями. Таких Фихте признает два: «основной» договор, на котором основывается государство (договор о гражданском сожительстве) и «дополнительный» договор

¹ См., например: Гайденок Г.П. Парадоксы свободы в учении Фихте. М., 1990. С. 66; Познышев С.В. Указ. соч. С. 420.

²См.: Барулин В.С. Социальная философия. Ч. 1: Учебник. М., 1993. С. 156.

искупления¹, на котором покоится не только право государства наказывать, но и право гражданина нести наказание. Естественным и единственным последствием всякого нарушения общественного договора является лишение прав и изгнание. Однако дополнительный договор устанавливает, что в тех случаях, когда позволяет общественная безопасность, преступникам будет предоставлено право искупить свою вину другим наказанием. Наказание не есть абсолютная цель, но только средство для достижения окончательной цели государства - обеспечения общественной безопасности.

Таковы воззрения И.Г. Фихте на проблемы человеческой свободы и возможности уголовного принуждения. Анализ его теории, а также взглядов древнеримского философа и юриста Цицерона позволяет сделать некоторые выводы о представляемом ими направлении. Электики старались сочетать различные системы, выбирая из каждой то, что им казалось верным, но не имея общего руководящего начала, они не могли придти к каким-либо прочным результатам. Самый взгляд этих теорий на происхождение человеческого общежития совершенно фантастичен и легко мирится как с рассуждениями утилитарного характера, так и с метафизическими увлечениями. В карательной деятельности эклектизм выставляет одновременно «начало справедливости, требующее воздаяние преступнику равным злом, и начало общественной пользы. С первого взгляда ясно, что эти начала взаимно вытесняют друг друга»², - справедливо указывал С.В. Познышев.

¹ С. Будзинский называл его «общим уголовным договором» или «договором покаяния» (см.: Будзинский С. Начала уголовного права. С. 356).

² Познышев С.В. Указ. соч. С. 186.

6. О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ОПРЕДЕЛЕНИИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Утилитарный и эклектический подходы критиковались в советской философской науке. Так, утверждалось, что в области практической деятельности эклектика ведет к ошибкам и просчетам, так как мешает найти главное звено в цепи событий¹. Между тем, преобладающим подходом в уголовном праве советского периода стал именно эклектизм.

Впервые в отечественном законодательстве определение наказания было дано в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР, принятых в 1919 году. В статье 7 данного нормативного акта было установлено, что «наказание – это те меры принудительного воздействия, посредством которых власть обеспечивает данный порядок общественных отношений от нарушителей последнего (преступников)»². Однако, уже в законодательной модели 1922 года и последующих кодексах, понятие наказание стало определяться через цели. Например, в первом Уголовном кодексе РСФСР 1922 года появилась статья о целях наказания, которая гласила: «Наказание и другие меры социальной защиты применяются с целью: а) общего предупреждения новых преступлений как со стороны нарушителя, так и со стороны других неустойчивых элементов общества; б) приспособления нарушителя к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия; в) лишения преступника возможности совершения дальнейших преступлений» (ст. 8).

УК РСФСР 1926 года заменил термин «наказание» на «меры социальной защиты»³, сохранив при этом определение их целей. Согласно ст. 9 УК, меры социальной защиты применяются для: а) предупреждения новых преступлений со стороны лиц, совершивших их, б) воздействия на других неустойчивых членов общества и в) приспособления совершивших преступные действия к условиям общежития государства трудящихся. При этом УК 1926 года предусмотрел, что меры социальной защиты не могут иметь целью причинение физического страдания или унижение человеческого достоинства, и задачи возмездия и кары себе не ставят.

¹ См.: Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. С. 556. И по сей день «эклектика» в наиболее распространенном смысле этого слова означает бессистемное, лишенное единого основания соединение разнородных положений, идей, концепций (см.: Краткий философский словарь / Под ред. А.П. Алексеева. С. 372).

² См.: Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917-1952. М., 1953. С. 58.

³ На первую четверть XX века приходится заметный рост внимания к вопросам наказания и связанной с этим дискуссии об «опасном состоянии» индивида и «мерах социальной защиты» (см.: Иванов Л.О., Ильина Л.В. Указ. соч. С. 20).

УК РСФСР 1960 года, отказавшись от «революционной» терминологии, вернулся к привычному понятию наказания. В соответствии с уже установленной традицией, уголовный закон определил цели наказания. Согласно ст. 20 УК РСФСР 1960 года наказание является не только карой за совершенное преступление, но и имеет целью исправление и перевоспитание осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития, а также предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Наказание не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства. Таким образом, законодатель советского периода, определяя уголовное наказание, пытался выразить его смысл, установить его функции, обосновать применение. Тем самым он видел в наказании средство, «отличающееся своей разумностью и целесообразностью»¹, эффективный инструмент решения определенных прагматических задач.

Статья 43 Уголовного кодекса 1996 года, продолжая традицию эклектического подхода, указывает, что «наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений». Доктринальная оценка указанных положений сводится к тому, что законодательное определение целей наказания относится к несомненному достоинству уголовного закона². Однако, согласиться с таким мнением со всей определенностью сложно. «Государство очутилось бы в весьма затруднительном положении, если бы должно было осуществлять в своей карательной деятельности несколько самостоятельных целей; поскольку эти цели самостоятельны и различны, различны и вытекающие из них требования, и нельзя осуществить полностью требование одной цели, не уклонившись в то же время, до известной степени, от исполнения требования другой»³, справедливо писал С.В. Познышев. Очевидно, понимание этого обстоятельства не позволяло законодателю дореволюционной России формулировать в официальных источниках уголовного права определение наказания и его целей. Действительно, анализ законодательного материала дореволюционной России (Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года и Уголовного Уложения 1903 года) свидетельствует об отсутствии в последнем определения понятия наказания, то есть определения с обозначением сущности данного явления и его функций (целей).

¹ Ной И.С. Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве. Политико-юридическое исследование. Саратов, 1973. С. 104.

² См., например: Курс уголовного права. Общая часть. Том 2: Учение о наказании / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 1999. С. 15.

³ Познышев С.В. Указ. соч. С. 371.

Как известно, термин «уголовное наказание» многомерен в своем обыденном и научном понимании: велик его предметно-содержательный потенциал, многообразны функциональные свойства. Поэтому в контексте разных форм, концепций правоупонимания в данную категорию вкладывается неодинаковый смысл. В этой связи она наполняется различным по своему характеру содержанием: наказание как принудительное воздействие, вынужденное зло, восстановление нарушенного права (мера общественного воздействия; мера уголовно-правового воздействия; мера государственного принуждения; мера уголовной ответственности; лишение преступника принадлежащих ему благ; совокупность или комплекс правоограничений); наказание как устрашение, угроза; наказание как психологическое принуждение; наказание как исправление, перевоспитание; наказание как предупреждение, предотвращение преступлений; наказание как кара, возмездие за содеянное, справедливое воздаяние за вину, отрицание преступления. Возможно, есть и иное понимание наказания, которое еще необходимо определить. Наконец, известны взгляды, возражающие против наказания.

Очевидно, что теория уголовного наказания не сводится к какой-либо единой стройной системе знаний, воззрений и идей. Наоборот, ее представляют и развивают различные школы, научные течения и направления, каждое из которых обосновывает собственное видение исследуемой проблемы, объясняет «нечто, но не все» об уголовном наказании.

Возникает резонный вопрос: почему при наличии одного предмета познания, единого объекта исследования в научном мире столь различны взгляды на него? Иными словами, как объяснить множественность концепций наказания? Ответ достаточно очевиден: то или иное решение названной проблемы во многом определяется тем, какие философские взгляды исповедует исследователь, какой системы мировоззрения или формы миропонимания он придерживается. С другой стороны, множественность точек зрения на предмет познания – естественное состояние науки. Такое состояние научной мысли обусловлено тем, что любое ее течение отражает лишь маленький и единственный аспект изучаемой действительности. А сама же действительность многогранна, многоаспектна, «многосущностна». Ни одна теоретическая концепция не может отразить исследуемую реальность во всей ее полноте. Это, по существу, невозможно. Абсолютная истина растворена в безграничном относительном процессе своего понимания. Как верно замечает К. Глой: «В отличие от «объекта» естественных наук... феномен наук о духе принимается как целое и во внутреннем процессе истолкования становится предметом понимания во всей своей полноте. Его индивидуальный смысл не устанавливается с самого начала и раз и навсегда, но открывается только в бесконечном процессе, так что

единственность и индивидуальность тождественны с бесконечностью процесса истолкования. Обобщая, можно было бы сказать: феномен есть не что иное, как процесс его понимания»¹. Применительно к рассматриваемому вопросу Гегель писал: «Качественный же и количественный характер преступления и его снятия (то есть наказания – авт.) относится к сфере внешнего, а в нем и вообще невозможно абсолютное определение; такое абсолютное определение остается в области конечного лишь требованием, которое рассудок должен все более ограничивать, что чрезвычайно важно, но которое продолжается до бесконечности и допускает лишь приближение, сохраняющееся на долгое время»².

Кроме того, истинное понимание того или иного понятия непосредственно связано с самой историей его происхождения. Как считал И. Кант: «Если бы было объяснено его происхождение, то отсюда вышли бы сами собою условия его употребления и объем его приложимости»³. Однако проблема состоит в том, что «смысл» многих понятий «утрачен в веках»; и не всякое из них поддается постижению или нуждается в своем новом рациональном обосновании. Например, замечено, что «теория уголовного права, разрешая вопрос о характере наказания, не может логически обосновать необходимость законодательного установления конкретного наказания за определенное преступление»⁴.

Таким образом, любая теоретическая конструкция – строго системный, внутренне логичный и вместе с тем односторонний подход, изначально предполагающий иные видения действительности. В этой связи описания сущности и целей уголовного наказания в самом тексте закона есть признание законодателем «истинности» одной из концепций наказания, одного из итогов научного поиска, а, значит, и неполное отражение в данном нормативном акте «действительного» наказания.

С другой стороны, если гарантом такой теоретической концепции выступает сам закон, альтернативные ей воззрения лишаются и «оснований», и «прав» на свое существование.

Позиция современного российского законодателя в этой части не согласуется также и с законодательной практикой современных зарубежных государств. Уголовные законы Голландии, Испании, Франции, ФРГ, Швейцарии, Швеции, (то есть законодательства континентальной системы права) не содержат определения понятия наказания,

¹ Глой К. Проблема последнего обоснования динамических систем // Вопросы философии. 1994 № 3. С. 97.

² Гегель Г.В.Ф. Философия права. С. 149.

³ Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки. М., 1993. С.12.

⁴ Ной И.С. Указ. соч. С. 104.

не называют его целей (функций), отдавая этот вопрос на усмотрение доктрине.

Действительно, на законодателя не лежит обязанность постигать сущность тех или иных правовых явлений. Кроме того, справедливо предостережение об осторожном отношении к формулировкам общих определений в законе: «*omnis in jure civil periculosa*»¹. По этому поводу Гегель писал: «И в самом деле, чем бессвязнее и самопротиворечивее определение права, тем менее возможны в нем дефиниции, ибо они должны содержать общие определения, а в общих определениях непосредственно обнаруживается противоречивое, здесь – не правовое во всей его очевидности»². На трудности с определением (дефиницией) того, что уже есть и известно как право, указывается и в современной теории. Так, В.С. Нерсесянц верно полагает, что «трудность эта главным образом состоит в том, что определение позитивного права (как определенная согласованная, непротиворечивая, обобщенная характеристика изменчивого и непротиворечивого эмпирического материала действующего права) должно соответствовать определенному объекту, и вместе с тем быть свободным от его противоречий, исключений и особенностей, которые как раз и существенны для действующего права»³. Справедливо в этой связи и замечание А.А. Жижиленко о том, что «всякое чересчур обобщенное определение в законе, который имеет обязательную силу для его применителей, может повести к целому ряду недоразумений, и чем меньше будет таких общих определений в уголовном законодательстве, тем лучше»⁴.

Спорным представляется обоснование закрепления в законе целей уголовного наказания «необходимостью ориентировать правосудие в тех практических результатах, достижение которых является желательным посредством применения наказания»⁵. Поскольку цель есть «предмет стремления, (или) то, что надо... осуществить»⁶, а перечисленные в законе «стремления» неосуществимы одновременно в полной мере, постольку правосудие не может ориентироваться одновременно на несколько не всегда взаимосвязанных между собой целей без вреда для процесса принятия судебного решения, и должно быть «освобождено» от такой обязанности.

¹ Всякая дефиниция в гражданском праве опасна (лат.). Соответствующая формула древнеримских юристов в дальнейшем приобрела более широкое значение.

² Гегель Г.В.Ф. *Философия права*. С. 60.

³ Нерсесянц В.С. *Философия права*: Учебник. М., 1997. С. 32.

⁴ Циг. по: Ширяев В.Н. *Взятничество и лиходелство в связи с общим учением о должностных преступлениях*. Уголовно-юридическое исследование. Ярославль, 1916. С. 232.

⁵ Дуонов В.К. *Проблемы уголовного наказания в теории, законодательстве, судебной практике*. Курск, 2000. С. 80.

⁶ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. *Толковый словарь русского языка*. С.873.

С учетом сказанного заметим: дать понятие предмету познания, значит определить то, в чем заключается сущность, назначение (другими словами, содержание) обозначенного фрагмента действительности, и установить форму (то есть границы, объем) последнего. Поскольку содержание понятия уголовного наказания способно наполняться различным смыслом и не может быть сформулировано абсолютно и однозначно, выражено в своей полной мере и совершенно исчерпывающе, постольку оно должно иметь в уголовном законе *неполное определение*, быть только *формальным*. Охватить в законе вообще понятие уголовного наказания принципиально невозможно. В таком случае пришлось бы привести в данном нормативном источнике все возможные определения его. «Ведь все определения суть понятия и тем самым определенные понятия»¹.

Формально определить уголовное наказание означает указать в законе лишь его объем (то есть форму понятия). Объем понятия в формальной логике определяется посредством аксиоматического и экстенционально-семантического приемов.

Под аксиоматическим определением понимают определение термина через множество аксиом (постулатов), в которые он входит и которые последовательно ограничивают область его возможных истолкований. «Так как в обычной науке предполагается, что дефиницию определения – здесь наказания – следует брать из всеобщего представления, основанного на психологическом опыте сознания, то этот опыт несомненно показал бы, что вызванное преступлением всеобщее чувство народов и индивидов гласит и всегда гласило, что преступление заслуживает наказания и что с преступником следует поступать так же, как поступил он»². Применительно к исследуемому вопросу речь идет об установлении и формулировании в законе системы принципов применения наказания (принцип правомерности – нет наказания без преступления; принцип законности – нет наказания без закона; принцип публичности – наказание применяется только от имени государства по приговору суда; принцип виновой ответственности – подлежит наказанию только лицо, признанное виновным в совершении преступления; принцип демократизма – мысли не наказуемы; принцип соразмерной ответственности – нельзя наказывать дважды за одно и то же; и прочие).

Определение называют экстенционально-семантическим, если обозначенный предмет описывается через элементы объема, обозначаемого определяемым термином. В данном случае речь идет об обозначении в действующем законе видов уголовного наказания и определении меры каждого из них с установлением четких пределов его применения.

¹ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3 т. Т. 3. М., 1972. С. 51.

² Гегель Г.Ф.В. Философия права. С. 149.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать ряд важных (хотя, возможно, и спорных) выводов:

1) Наказание объективно необходимо, и ни одно из известных нам из истории или современности обществ без него не обходилось. Общество без наказания мы не знаем, кроме идеально проектируемых, для осуществления которых современный нам человек не имеет даже близко подходящих качеств. Да и отдаленное будущее ныне существующего человека не указывает нам на какую-нибудь реальную возможность существования обществ без наказания¹. Предположение того, что эволюция общества неизбежно приведет к исчезновению кары², – не более, чем привлекательный, но чересчур смелый прогноз.

2) Наказание не просто целесообразно. Оно, являясь следствием преступности, относится к необходимому атрибуту публичного общества. «Если бы дерево преступности со всеми своими корнями и корешками могло бы быть когда-нибудь вырвано из нашего общества, оно оставило бы в нем зияющую бездну»³.

3) Юристы, разрабатывая вопросы теории и практики назначения наказания, традиционно обращались за помощью к философии, полагая, что только она может предложить общие методологические начала. Любой из известных авторам дореволюционных учебников уголовного права или монографий, посвященных наказанию, искал философские основания этого уголовно-правового института. «И это имело глубокий смысл, ибо область права не исчерпывается положительным законодательством. Последним определяются те юридические нормы, которые действуют в данное время и в данном месте. Но юридические законы не остаются вечными и неизменными, как законы природы.... С этой точки зрения они требуют оценки»⁴. А последние может дать только философия. С учетом изложенного выше, представляется целесообразным некоторое смещение современных исследовательских акцентов из строго юридической сферы в область философскую.

4) Объяснение природы наказания всегда определялось мировоззрением авторов той или иной доктрины. Несмотря на различие подходов и огромный массив теорий, допускающих право уголовной кары на существование, их можно классифицировать на абсолютные, относительные, смешанные. При этом распространенность и влияние различных философских подходов носит исторический характер: эклектизм древних философов сменился теологией средних веков, а потом и метафизикой нового времени, которая, однако, также не оказа-

¹ См.: Кистяковский А.Ф. Указ. соч. С. 207.

² См.: Сорокин П. Преступление и кара, подвиг и награда. СПб., 1999. С. 304.

³ Тард Г. Преступник и преступление / Под ред. М.Н. Гернета. М., 1906. С. 62.

⁴ Чичерин Б.Н. Философия права. С. 1-2.

лась вечной. Б.Н. Чичерин объяснил смену философских подходов в теории права тем, что юриспруденция слишком увлеклась философией, мало обращая внимание на реальные условия жизни, и перескочила на противоположный конец. Вместо того, чтобы строить здание по общему плану, она принялась воздвигать фундамент на основании чисто практических соображений¹, что привело к господству нового эклектизма и утилитаризма.

5) Теоретические и законодательные определения наказания и его целей по советскому и современному уголовному праву России имеют, преимущественно, эклектический характер. Исследователи наказания, как правило, избегали философских оценок, что не могло не отразиться на состоянии науки и практики. «Не в одном только правоведении упадок философии ведет к извращению понятий и к шаткости взглядов. Та же участь постигла все общественные науки. Человек, по природе своей, есть метафизическое существо; метафизические начала руководят его действиями; они входят, как основной элемент, во все общественные отношения. Поэтому, как скоро метафизика была отвергнута, так все теоретические основания общества были расшатаны»².

6) Говоря о важности философского подхода к анализу общественных явлений, авторы не хотели бы преувеличивать его. Задача метафизики и общественных наук «не может сводиться к определению абсолютных идеальных форм общественной жизни, то есть форм, пригодных для всех времен и народов»³. Поиск «круглой теории», верной логически самой себе и соответствующей объективной реальности, – задача сверхсложная и вряд ли достижимая. Цель науки вообще более скромна и состоит в том, чтобы подметить истинную причину и жизненное основание явления. Следовательно, забота науки должна быть направлена не на то, чтобы создать хотя всеобъемлющие, но более образаемые, чем действительные основания наказания, а на выполнение более скромной задачи, состоящей в том, чтобы указать, по какому действительно присущему жизни основанию, из какой необходимости и ради каких побуждений и целей, человек применял и применяет наказание⁴.

7) В силу того обстоятельства, что вопрос о целях наказания решается в зависимости от положений того или иного учения о наказании, представляется недопустимым определение целей наказания в уголовном законе. В противном случае, одна из теоретических моделей наказания получает законодательное основание, перенося в практику несовершенство и неполноту самого учения.

¹ См.: Там же. С. 2-3.

² Там же. С. 7.

³ Познышев С.В. Указ. соч. С. VI.

⁴ См.: Кистяковский А.Ф. Указ соч. С. 70.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барулин В.С. Социальная философия. Ч. 1: Учебник. М.: Изд-во МГУ, 1993. 336 с.
2. Бачинин В.А. Философия преступления: конспект лекций. СПб., 2000. 64с.
3. Безверхов А.Г. О законодательном определении уголовного наказания / Атриум. Серия: Юриспруденция. Межвуз. сб. научн. ст. Тольятти. 1995, №3. С. 31-34.
4. Белогриц-Котляревский Л.С. Очерки курса русского уголовного права. Киев, 1896. 671 с.
5. Бенгам И. Избранные сочинения. Т. 1. СПб., 1867. 678 с.
6. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Каноническое издание. М., 1992. 1217 с.
7. Будзинский С. Начала уголовного права. Варшава, 1870. 362 с.
8. Гайденок П.Н. Парадоксы свободы в учении Фихте. М.: Наука, 1990. 128 с.
9. Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. М.: Наука, 1978. 435 с.
10. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
11. Дуюнов В.К. Проблемы уголовного наказания в теории, законодательстве, судебной практике. Курск: Изд-во РОСИ, 2000. 504 с.
12. Иванов Л.О., Ильина Л.В. Пути и судьбы отечественной криминологии. М.: Наука, 1991. 208 с.
13. Иванов Н. Библия и уголовный закон // Советская юстиция. 1992. № 7-8.
14. Карнозова Л., Максудов Р., Флямер М. Восстановительное правосудие // Российская юстиция. 2000. № 11. С. 42-44.
15. Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Киев, 1891. 529 с.
16. Курс уголовного права. Общая часть. Том 2: Учение о наказании / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: Зерцало, 1999. 400 с.
17. Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. СПб., 1871. 704 с.
18. Неклюдов Н.А. Общая часть уголовного права (конспект). СПб., 1875. 192 с.
19. Никонов В.А. Библия и уголовный закон. Тюмень: Высшая школа МВД РФ, 1995. 43 с.
20. Никонов В.А. Уголовное наказание. Поиск истины. Тюмень: Юрид. инст. МВД России, 2000. 88 с.
21. Пионтковский А.А. Учение Гегеля о праве и государстве и его уголовно-правовая теория. М., 1993. 480 с.

22. Познышев С.В. Основные вопросы учения о наказании. М., 1904. 407 с.
23. Сергиевский Н.Д. Русское уголовное право. Спб., 1908. 385 с.
24. Соловьев В.С. Оправдание добра. М.: Республика, 1996. 479 с.
25. Сорокин П. Преступление и кара, подвиг и награда. СПб., 1999. 448 с.
26. Спасович В.Д. Учебник уголовного права. Т.1. СПб., 1863. 178 с.
27. Спасович В.Д. Новые направления в науке уголовного права. М., 1898. 139 с.
28. Таганцев Н.С. Курс русского уголовного права. В 2-х т. Т. 2. М., 1994. 365с.
29. Тард Г. Преступник и преступление / Под. ред. М.А. Гернета. М., 1906. 342 с.
30. Толстой Л.Н. Дневник христианина. Собрание сочинений в 22-х т. Т.21. М.: Худож. лит., 1985. 575 с.
31. Толстой Л.Н. В чем моя вера? М., 1906. 222 с.
32. Толстой Л.Н. Царство Божие внутри вас. М., 1906. 349 с.
33. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. М., 2000. 464 с.
34. Хохряков Г.Ф. Парадоксы тюрьмы. М.: Юрид. лит., 1991. 224 с.
35. Цицерон. О государстве. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Речи. Письма. М.: Мысль, 1999. 872 с.
36. Чичерин Б.Н. История политических учений. Часть 1. Древность и средние века. М., 1869. 444 с.
37. Чичерин Б.Н. История политических учений. Часть 3. Новое время. М., 1874. 442 с.
38. Чичерин Б.Н. Философия права. М., 1900. 336 с.
39. Чубинский М. Курс уголовной политики. Ярославль, 1909. 419 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	2
1. Классификация теорий наказания.....	6
2. Теории, отрицающие наказание.....	13
3. Абсолютные теории наказания.....	19
4. Относительные (утилитарные) теории наказания.....	38
5. Смешанные (эклектические) теории наказания.....	43
6. О законодательном определении уголовного наказания.....	49
Заключение	58
Список рекомендуемой литературы	61

Печатается в авторской редакции

Компьютерная верстка, макет Н.П.Барина

ИД № 06178 от 01.11.2001. Подписано в печать 19.11.2001. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 2,8, уч.-изд. л. 3,0. Тираж 150 экз. Заказ № 738
Издательство «Самарский университет», 443011,
г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1
УОП СамГУ, ПЛД № 67-43 от 19.02.98.